
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
№ 24 ИЮНЬ 1961
Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 24 (1773)

11 ИЮНЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВСТРЕЧИ НА ЗЕМЛЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Тысячи людей восторженно приветствовали Н. С. Хрущева на всем его пути по земле братской Чехословацкой Социалистической Республики. Добрыми напутствиями провожал народ Чехословакии Председателя Совета Министров СССР, направлявшегося в Вену. В Братиславе Н. С. Хрущева встречали президент ЧССР А. Новотный, председатель правительства В. Широкий и другие руководители республики.

НА СНИМКАХ: вверху — женщины в национальных костюмах преподносят Н. С. Хрущеву цветы; внизу — салют чехословацких пионеров выдающемуся борцу за мир.

Фото Романа Витека и Вилема Кроппа.
Получены от пражского журнала «Кветы».

Н. С. Хрущев и Д. Кеннеди в Вене.

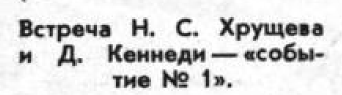
ВАЖНЫЕ БЕСЕДЫ— НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

Руководители двух великих держав Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Президент США Д. Кеннеди обменялись мнениями по вопросу об отношениях между СССР и США. Они обсудили вопросы о прекращении ядерных испытаний, разоружении, германскую проблему и признали важность прекращения огня в Лаосе.

Председатель и Президент согласились поддерживать контакты по всем вопросам, представляющим интерес для обеих стран и для всего мира.

Вена в эти дни.

← Встреча Н. С. Хрущева и Д. Кеннеди — «событие № 1».

→ Вена, площадь Шварценберга. Глава Советского правительства возложил венок к памятнику советским воинам, павшим в боях при освобождении Австрии.

← На Юго-Восточном вокзале федеральный канцлер Австрийской республики А. Горбах приветствует Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева.

→ Руководители двух государств были гостями Президента Австрии А. Шерфа во дворце Шенбрунн.

← Журналисты около советского посольства ожидают окончания беседы.

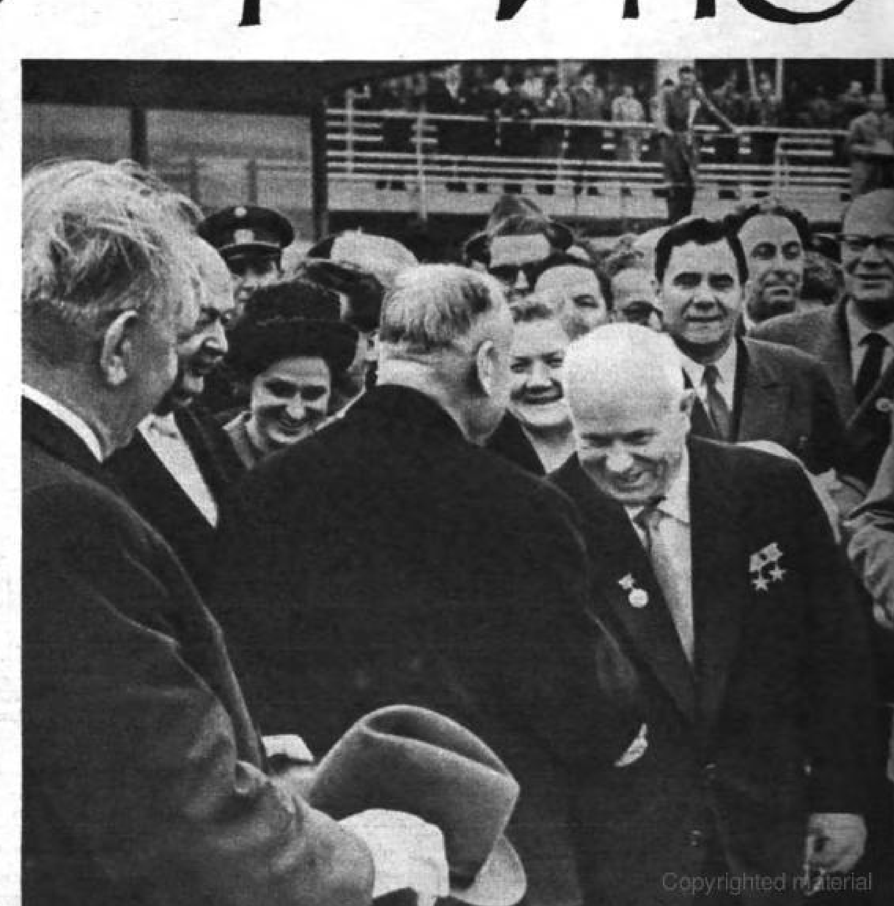
→ Пресс-конференция во дворце Хофбург.

ВЕНА, 3-4 ИЮ

← Каждый хочет приобрести памятный сувенир.

Фото специального корреспондента «Огонька» М. САВИНА.

→ Проводы Н. С. Хрущева на венском аэродроме Швехат.

«Приветствуем Вас на маленьком кусочке советской земли», — произносит Н. С. Хрущев, встречая Д. Кеннеди у входа в здание советского посольства.

НЯ 1961 ГОДА

ПОСЛЕ ПЛОДОТВОРНЫХ БЕСЕД С ПРЕЗИДЕНТОМ США ДЖ. КЕННЕДИ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР Н. С. ХРУЩЕВ 5 ИЮНЯ ВОЗВРАТИЛСЯ ИЗ ВЕНЫ В МОСКВУ. НА ВНУКОВСКОМ АЭРОДРОМЕ МОСКВИЧИ ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВОВАЛИ ГЛАВУ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

5 ИЮНЯ МОСКВА ВСТРЕЧАЛА ДОРОГОГО ГОСТЯ ИЗ ИНДОНЕЗИИ — ПРЕЗИДЕНТА СУКАРНО.

В третий раз приезжает к нам «бунг Карно», глава государства, связанного с нашей страной крепкой дружбой. Эта дружба имеет под собой прочную основу. Советский Союз и Индонезия идут вместе в первых рядах борцов за мир и национальное освобождение народов. Правительства обеих наших стран неизменно выступают за разрядку международной напряженности и укрепление всеобщего мира. Отношения между Индонезией и Советским Союзом — хороший пример дружбы и равноправного сотрудничества между странами социализма и независимыми странами Азии.

На обеде в Большом Кремлевском дворце, приветствуя выдающегося деятеля национально-освободительного движения Азии докто-

Фото А. Гостева и О. Кнорринга.

6 июня в Кремле Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев принял премьер-министра правительства Лаоса Его Высочество принца Суванна Фуму (справа) и председателя ЦК партии Нео Лао Хак Сат Его Высочество принца Суфанувонга.

Фото А. Пахомова.

ра Сукарно, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев сказал: «Мы уверены, что ваш нынешний визит в Советский Союз явится новым вкладом в расширение уз дружбы и сотрудничества между нашими народами, а тем самым и в дело укрепления мира во всем мире».

6 июня доктору Сукарно исполнилось 60 лет. Его тепло поздравили с днем рождения советские руководители.

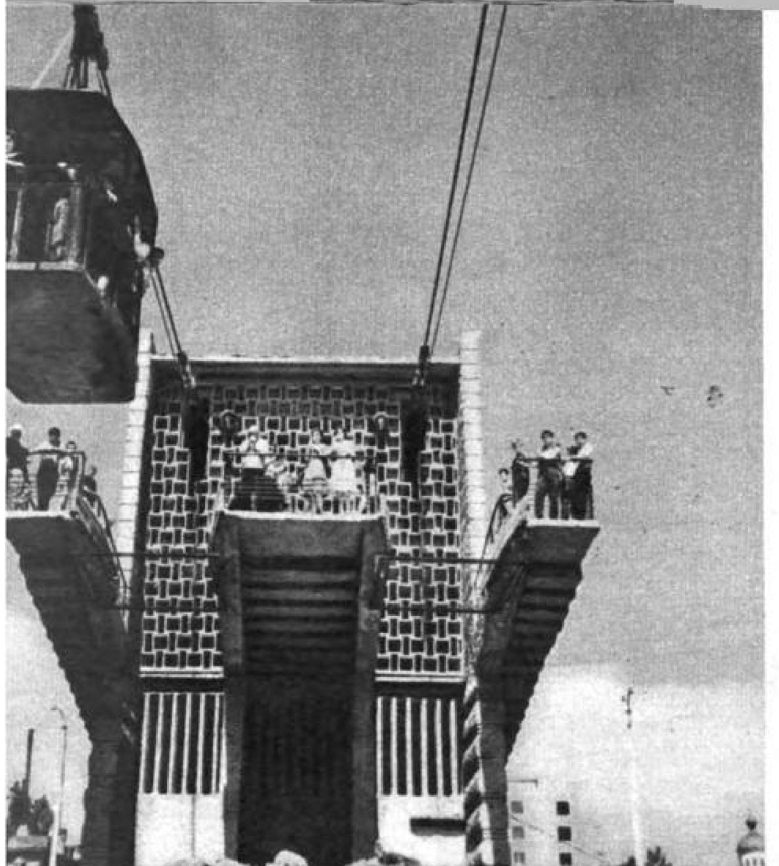
На снимках:

В Кремле между доктором Сукарно и Н. С. Хрущевым состоялась теплая, дружеская беседа.

В день приезда президент и премьер-министр Республики Индонезии доктор Сукарно нанес в Кремле визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

В ГОСТИ ПО ВОЗДУХУ

Тбилисцы получили возможность «перелетать» через Куру: новая канатная дорога соединила два городских района — Дидубе и Сабуртало.

Когда-то давно меж этими двумя берегами ходил паром — допотопная и медлительная речная посудина. Позже соседям приходилось добираться друг к другу кружным путем. Сейчас два вагона, вмещающие по 25 человек каждый, перебрасывают пассажиров через реку за две с половиной минуты.

Фото В. Джейранова.

←

ПОЗОР УБИЙЦАМ ФАРАДЖАЛЛА ХЕЛУ

В сирийской тюрьме погиб генеральный секретарь Ливанской компартии Фараджалла Хелу.

Народ Ливана, с гневом и скорбью узнавший об этом преступлении, клеймит позором убийц. «Фараджалла Хелу был известен ливанцам, как и многим людям далеко за пределами нашей страны, как человек чести и совести; всему миру известна его патриотическая и национальная деятельность. Так почему же он был арестован без всякого на то основания? Почему же он был брошен в тюрьму и замучен варварскими пытками?» — пишет еженедельник «Аль-Хаватер».

Общественность требует расследования убийства и наказания тех, кто его совершил.

На снимке: Фараджалла Хелу.

ВОКРУГ НАС

Книги телеграфом

Скольких читателей обслуживает Государственная библиотека имени В. И. Ленина? Трудно ответить на этот вопрос. Ведь многие тысячи других библиотек и всевозможных организаций непрерывно шлют заказы по межбиблиотечному абонементу в крупнейшее в мире книгохранилище.

До сих пор библиотека имени В. И. Ленина получала заказы от абонентов по почте. Письма, пересылаемые из дальних краев и областей, приходили сюда в лучшем случае через несколько дней. И читатели волей-неволей должны были тратить довольно много времени на ожидание литературы, необходимой им иногда для очень срочной работы.

Как сократить время доставки книг по межбиблиотечному абонементу? Библиотека имени В. И. Ленина и Всесоюзная библиотека иностранной литературы использовали для этого телеграф. В канун 1961 года они установили у себя абонентские телеграфные аппараты, а недавно осуществилась дальняя связь между библиотеками по телеграфу. В абонентскую телеграфную сеть включились ленинградская библиотека Академии наук СССР и научная библиотека Ленинградского государственного университета. Теперь свои запросы на книги эти библиотеки осуществляют за несколько минут.

По аппарату абонентской телеграфной установки — размером с пишущую машинку, и клавиатура у него такая же — можно передавать и русским и латинским шрифтом. Рядом с аппаратом на столе — вызывной прибор с сигнальными лампами и таким же, как у телефона, диском.

Экспериментальные передачи заказов на литературу с помощью телеграфа оказались удачными. И теперь библиотечные работники организаций и учреждений, располагающих абонентским телеграфом, могут из любого населенного пункта нашей страны быстро послать заказ на книги в адрес библиотеки имени В. И. Ленина и библиотеки иностранной литературы.

Сейчас ведутся работы по установке фототелеграфной связи между Сибирским отделением Академии наук СССР в Новосибирске и библиотекой имени В. И. Ленина.

Когда эта связь осуществится, к сибирским ученым побегут по проводам фотокопии нужных им страниц из отечественных и иностранных журналов, газет, книг.

С. ПИЩАЛЬНИКОВ

Старший библиотекарь Е. А. Соколова и ученица Н. Воронина принимают заказ по телеграфу в библиотеке имени В. И. Ленина.

Фото А. Вочинина.

Холодильник в кармане

Полдень застал нас в лодке. Хотелось пить. А пресная вода, взятая с берега, нагрелась до отвращения.

— Не угодно ли мороженого? — спросил мой товарищ по рыбалке, ленинградский инженер.

От изумления я чуть не вывалился из лодки. Но товарищ не шутил. Из кармана плаща он достал металлический, похожий на термос сосуд, наполнил его водой, заметив:

— Скоро будет готово.

Действительно, через четверть часа мы с наслаждением смаковали удивительно вкусные кусочки льда.

Чудодейственный сосуд оказался холодильником. Термоэлементы, вмонтированные в стенку внутреннего стакана, охлаждают содержимое холодильника до —10° по Цельсию. Прибор может служить и термосом. С помощью теплорегулятора температура доводится до + 60 градусов.

Между внешним и внутренним алюминиевыми стаканами расположена термоизоляционная прослойка из пенопласта.

Микрохолодильник питает источник постоянного тока. Автономные батареи вмонтированы в днище стаканов. Сила тока — 8—10 ампер, напряжение — 2 вольта.

Для туристов, рыбаков, мореходов, геологов карманный холодильник «ТП-3М» — хороший подарок.

Ю. ГУРЬЕВ

Дар Веры Драйзер

Н. П. Банникова показывает присланные из Нью-Йорка снимки Н. Т. Мартынову и его жене А. Н. Мартыновой.

Фото Н. Капелюша.

Заведующая Ближне-Борисовской сельской библиотекой Нина Петровна Банникова распаковала большой пакет. В нем оказались фотографии американского писателя Теодора Драйзера. Вот он, долгожданный подарок из Нью-Йорка! Нина Петровна уже знала, что племянница писателя Вера Драйзер хочет послать сельской библиотеке полтора десятка редких фотографий и репродукций с портретов Теодора Драйзера.

Предыстория этого подарка такова.

В 1927 году Теодор Драйзер приехал в Советский Союз и шесть недель путешествовал по нашей стране. Посетил писатель и Нижний Новгород, а оттуда ненадолго выехал в село Ближнее Борисово.

В селе этом и сейчас живут люди, которые встречались с Теодором Драйзером. Зимой 1960 года кружок зарубежной литературы Горьковского университета вместе с Горьковским отделением Союза советских писателей организовал в клубе Ближнего Борисова вечер, посвященный творчеству писателя. Своими воспоминаниями о встречах с Теодором Драйзером поделились Г. И. Федоров, М. В. Балахонова, Н. Т. Мартынов.

Об этом вечере в сельском клубе стало известно племяннице писателя. Вера Драйзер отобрала более десятка редких фотографий своего дяди и с самыми лучшими пожеланиями послала их в село Ближнее Борисово, Кстовского района.

На снимке, где изображен улыбающийся Драйзер, надпись гласит: «Как ответ тем, которые говорят, что у Теодора Драйзера отсутствует чувство юмора».

Поездка по Советскому Союзу произвела на американского писателя большое впечатление. Позднее он писал: «Сколь ошибочно существующее мнение, что Россия слаба! Какое невежество! Какое сумасшествие!»

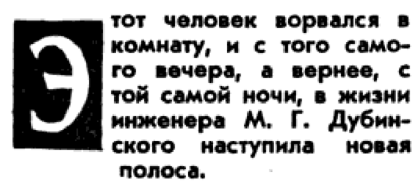
В. МАЛЮГИН

Горький.

Обуздавшие смерч...

Евг. ТЕМЧИН

Этот человек ворвался в комнату, и с того самого вечера, а вернее, с той самой ночи, в жизни инженера М. Г. Дубинского наступила новая полоса.

В маленькой железной печурке потрескивали дрова, и слабый отсвет пламени плясал на лице гостя. Растопырив замерзшие пальцы, он совал их поближе к огню и хрипло говорил:

— Машина, можно считать, есть. Она вот здесь.— Он стучал по лбу согнутым пальцем.— И чертежи готовы. Заводы ждут, торопят. Скорей! Ведь это для фронта. А я хожу, думаю и не могу придумать. Вакуум! Где взять вакуум? Сделать обычную установку? Но тогда конец машине, конец идее. Нужно маленькую, вот такую маленькую установочку... Крошечную и сильную...

У него были глаза фанатика.

Инженер смотрел в них и молчал. Ему никогда не приходилось иметь дело с изобретателями. Чего хочет от него этот человек? Какую еще установку? Пусть обращается за помощью на завод.

— Вы обязаны помочь мне,— жестко сказал пришелец.— Да, обязаны. Конструктор Н. (он назвал известную фамилию) считает, что, кроме вас, некому. Никто лучше не знает эжекторы.

— Какого еще черта! — вспылил Дубинский.

Последние несколько месяцев порядочно вымотали его. Он допоздна не уходил с завода. Шли испытания узлов новой боевой машины. Его, автора аэродинамических расчетов, могли позвать каждую минуту. Сегодня первый свободный вечер. Можно было наконец раньше вернуться домой, жарко натопить печурку, раздеться и спокойно лечь спать. Машина уже прошла испытания.

— Так, значит, отказываетесь?

Инженер пожал плечами. Ему хотелось только одного — спать.

— Да поймите, у меня своя работа, я отдаю ей все, что могу, а вы приходите и требуете создать для вас какой-то немыслимый эжектор для какой-то мифической машины. Я же не частный предприниматель! Обращайтесь на завод, в институт...

Изобретатель с маху сбросил пальто и сел.

— Буду ждать... До утра... У меня нет иного выхода.

Дубинский долго еще сопротивлялся, но все же сдался.

Поздно ночью ушел изобретатель. Гулко хлопнула дверь подъезда. Дубинский отогнул краешек шторы. В лунном свете голубовато поблескивали стекла затемненных окон. Внизу, по тихой, заснеженной улице, торопливо шел человек. Его фигура делалась все меньше и меньше и наконец скрылась в переулке.

Инженер стоял у окна и задумчиво улыбался. Сама судьба, казалось, послала ему этот случай. Как же он сразу не понял? Вот уже несколько месяцев его занимала одна идея. Он мечтал создать новый тип эжектора, принцип работы которого был бы основан на малоизученном явлении смерча.

Страшную разрушительную силу несет в себе смерч. Он вырывает с корнями вековые деревья, сносит дома, на морях поднимает к небу огромные столбы воды. Он идет, все ломая на своем пути, все сметая с дороги.

Давно люди заметили, что в середине гигантской воронки смерча температура и давление воздуха падают. Вот эта-то разреженная сердцевина, как могучий насос, всасывает все, что попадается на пути. Всасывает потому, что в сердцевине вихря образуется вакуум. Значит, если удастся создать искусственный вихрь в машине, то получение глубокого вакуума обеспечено. Обеспечено ли? Пока это только голая идея. Есть, правда, кое-какие расчеты, выведены некоторые формулы, имеется несколько эскизов будущего вихревого аппарата. Но все это бумага. В металле ничего нет. Да и кто будет сейчас заниматься всерьез делом, перспективы которого весьма туманны! Если говорить откровенно, Дубинский и сам не очень верил в успех. Аэродинамик по профессии, в последнее время он заинтересовался физикой явлений, происходящих в смерче. Но о прикладном значении этих явлений пока думал мало. Разумеется, не мешало бы испытать одну такую вихревую установку, тогда все станет гораздо яснее. В конце концов даже не известно, удастся ли запихнуть смерч в металлическую оболочку, а если, допустим, и удастся,— можно ли будет получить глубокий вакуум? Как знать?

И это открывало широкие пути для экспериментирования.

На протяжении последующих нескольких месяцев они встречались каждый вечер, а расставались глубокой ночью. Теперь их было уже четверо: друзей Дубинского, инженеров Копелева и Мацука, тоже увлекла идея нового типа эжектора.

Изобретатель оказался человеком удивительной работоспособности. У него был ясный ум математика и железная воля советского хозяйственника. Пожалуй, никогда инженеры не работали так напряженно и с таким увлечением. Конструкция эжектора вырисовывалась все отчетливее.

Наконец наступил день первых испытаний. Аппарат своим видом напоминал домик улитки. Трубка, узкая с одного конца, вилась крутой спиралью, расширяясь в диаметре, образуя воронку. Здесь, в крутой спирали, и должен был возникнуть смерч. В центре в улитку врезалась еще одна трубка. Она торчала перпендикулярно плоскости улитки. По этой трубке в разреженную сердцевину смерча должен был засасываться воздух.

...Инженер-экспериментатор В. Г. Леванов подвел к эжектору шланг и нажал рукоятку. С пронзительным свистом рванулся в улитку сжатый воздух, из горловины ударила сильная струя. Она разметала все вокруг, в угол полетели какие-то деревянные бруски, тряпки. Да, это был настоящий смерч! Малютка-эжектор работал. Дубинский поднес руку к горловине — упругая волна ударила в ладонь. И — странное дело! — ему показалось, будто у выхода из горловины действуют две струи. Одна из них отталкивает руку, другая... пытается всосать ее в улитку. И еще ему почудилось...

Впрочем, это было уже совсем невероятно. Он ничего не сказал товарищам, отошел в сторону, уступив место Копелеву. Тот несколько раз подносил руку к струе воздуха, и лицо его при этом выражало крайнее изумление.

— Поразительно! — воскликнул он.— Как вы это объясните?

Дубинский развел руками.

А потом настала очередь Мацука, а потом Леванова...

Чудеса!

Что так поразило их? Дело не только в том, что на выходе из эжектора действовали какие-то неизвестно откуда взявшиеся воздушные противотоки. Совсем неожиданно струя воздуха становилась то горячей, то холодной, и почему-то участок корпуса величиной с пятачок вдруг разогрелся — руку не приложить,— в то время как весь корпус оставался холодным.

— Невероятно! — говорили инженеры друг другу.

И только на изобретателя все это не произвело ни малейшего впечатления. Он был счастлив. Эжектор создан. Вакуум есть. Аппарат-малютка, величиной с чайный стакан, будет стоять на его машине. И это сейчас самое главное. Правда, его несколько смущало, что в одном месте греется корпус. Но это должны устранить инженеры. Он настаивает. Пусть разберутся. А что касается неразгаданных физических явлений, то сейчас не до них: война, фронт!

Между тем Леванов принес еще один, запасный экспериментальный образец и включил воздух. И снова все по очереди подходили к дрожащему от напряжения аппарату, на ощупь пробуя струю. И снова противотоки действовали, и по-прежнему воздух шел то горячий, то холодный. На этот раз корпус не грелся. И все решили, что при первом эксперименте разогрев маленького участка — чистейшая случайность, на которую не стоит обращать внимания. Главное, разобраться в физической сущности загадочных явлений, ибо они, эти явления, еще никем и нигде не описаны, а значит, никто из ученых не наблюдал их.

Так ли?..

В тридцатых годах металлург Ранк на одном из заседаний Французского физического общества сообщил, что, пропуская воздух через отрезок обычной трубки, можно получить весьма любопытный эффект. Из трубки выходят струи горячего и холодного воздуха. Ссылаясь на секретность работы, он отказался сообщить какие-либо подробности.

Академики встретили сообщение Ранка скептически. Аэродинамик Брюн разбил все доводы металлурга, которые тот выдвинул, пытаясь как-то объяснить процессы, происходящие в трубке. Брюн достаточно ясно дал понять аудитории, что металлург Ранк имеет весьма туманное представление об аэродинамике, а обнаруженный им эффект скорее относится к тем бесполезным случайным открытиям, которых уже сделано немало во всех частях света. О них быстро забывают, и никакой пользы человечеству они не приносят. Почтенные академики единодушно выразили свое согласие с Брюном.

Несколько позже Ранк все же организовал небольшую фирму по производству холодильников, действие которых было основано на открытом им эффекте. Фирма просуществовала недолго. Трубка не выдержала конкуренции с обычными холодильниками. Сам Ранк, по-видимому, настолько разочаровался в возможностях практического использования своего открытия, что даже не стал опубликовывать это изобретение в технических журналах. О странном эффекте, обнаруженном французским металлургом, вскоре все забыли.

Во время второй мировой войны стало известно, что немецкие специалисты работают над каким-

то новым и необычайно эффективным способом охлаждения газов. Сведения о нем поступали чрезвычайно скупо, в общей и достаточно туманной форме. Видимо, секретная служба гитлеровской Германии позаботилась о том, чтобы подробная информация о новых работах не просочилась за пределы лаборатории.

Вскоре после войны американец Милтон в печати заявил, что после разгрома гитлеровской Германии в одной из закрытых лабораторий обнаружена трубка длиной в полметра и диаметром немногим более десяти миллиметров. И хотя принцип работы этой трубки пока неизвестен, но установлено, что изготовлена она немецким ученым-физиком Гилшем, работавшим над проблемами получения низких температур. Несмотря на то, что трубка конструктивно чрезвычайно проста, ее секрет открыть не удалось.

Но вскоре отыскался и сам Гилш. Физик сообщил, что прототипом для его трубки послужила трубка Ранка и он, Гилш, использовал ее для снижения температуры газов, надеясь, что с ее помощью сумеет охлаждать шахты. Процессы же, происходящие в трубке, ему так и не удалось теоретически обосновать, ибо они крайне сложны. Гилш продемонстрировал действие трубки. Воздух, с большой скоростью проходя через нее, делился на две струи: горячую и холодную. Температуру можно было регулировать. Сообщение ученого и демонстрация опытов произвели ошеломляющее впечатление. Крупнейшие специалисты занялись исследованием эффекта Ранка. Все они сошлись на одном: эффект Ранка можно объяснить только с помощью молекулярной теории, ибо в трубке происходит какое-то неизвестное до сих пор взаимодействие молекул воздуха.

Группа советских инженеров шла своим путем. Этот путь определился еще до того, как Гилш выступил с сообщением, наделавшим так много шума.

Инженеры побывали у академика Б. С. Стечкина. Ученый слушал их взволнованный рассказ и время от времени чему-то улыбался. Они вопросительно поглядывали на него. Непонятно, принимает ли он всерьез все эти драматические события, происходящие в лаборатории во время испытаний эжектора.

— Дальше, дальше...— требовал Стечкин.

Наконец рассказано все. И о том, как случай помог экспериментально проверить самую возможность существования вихревого аппарата, и о противотоках, и о том, как делятся струи воздуха на горячие и холодные...

— Как вы все это объясните? — спросил Стечкин.

— Видимо, действуют сложные молекулярные связи...

— Ну, так и ожидал! — Академик окончательно развеселился.— Уж не демоны ли Максвелла сортируют молекулы? Горячие в одну сторону, холодные — в другую?

Инженеры переглянулись. Видимо, у Стечкина на этот счет есть свое особое мнение, отличное от мнений зарубежных ученых. Академик не заставил себя долго ждать.

— А мне кажется, что газ ведет себя, как сплошная среда. Следовательно, и все явления можно рассматривать как явления обычной аэродинамики. И нечего лезть в дебри молекулярных теорий.

Удивительно смелой и неожиданной была идея академика.

Теперь все экспериментальные и исследовательские работы пошли по новому руслу. Стечкин определил программу действий. Сам по себе вихревой эжектор — вещь, безусловно, нужная. Но изобретатель требовал, чтобы поиски велись лишь в одном направлении. Его интересовал только эжектор. А теперь этим могут заняться и другие...

— Вашей же группе нужно решить широкий комплекс вопросов,— предлагал академик.— Оставьте в покое все, что связано с получением горячего воздуха. Он не интересует промышленность. Главное — холод, давление, вакуум! Нужна теория вращающегося потока — теория смерча. Будет такая теория — пойдете дальше с открытыми глазами. Получите возможность создать для промышленности целое семейство аппаратов, принципиально новых и по идее и по конструкции.

С тех пор прошло несколько лет. Упорно, не прекращая ни на один день, инженеры вели исследовательские и экспериментальные работы. Несколько тысяч опытов проделали они. Дубинский создал теорию смерча. Он теоретически доказал справедливость предположений Б. С. Стечкина. Действительно, в вихревом аппарате газ ведет себя как твердое тело. Скорости движения потока возрастают не к центру струи, как принято было считать, а к ее периферии. Это проливало свет и на то, откуда берутся противотоки при выходе газов из сопла аппарата, и на то, каким образом происходит разделение струи на горячую и холодную.

Оказалось, чем ближе к периферии — к стенкам улитки — мчится поток газа, тем выше его скорость, тем выше его давление, и, естественно, сильнее он разогревается. Другое дело — сердцевина искусственного смерча. Здесь скорости движения потока малы. Здесь зона низкого давления, зона низких температур. Вот так и движутся в улитке два потока с разными скоростями. Один раскаленным кольцом как бы охватывает холодный стержень, причем направить движение потоков газа можно и в противоположные стороны. Много лет назад, во время первых испытаний, инженеры столкнулись именно с такими противотоками. Теперь их природа стала наконец ясна.

И все-таки вихревые аппараты продолжали оставаться загадкой. Смерч все еще не хотел подчиняться никакой теории.

Инженеры продолжали поиски. Были дни печальные, когда люди, не глядя друг на друга, расходились по домам после очередного неудачного эксперимента. Снова Дубинский садился за расчеты. Снова Копелев и Мацук вычерчивали, казалось, бесконечные варианты. Потом все трое собирались вместе и спорили, спорили... И летели в корзинку скомканные, разорванные «варианты» — надежды последних дней. И снова расчеты, снова варианты конструкций...

Были и другие дни — радостные, обнадеживающие, когда всем казалось, что еще совсем немного усилий — и страна наконец получит целое семейство оригинальных аппаратов, нужных для самых различных целей.

Они вслух мечтали о тех днях, когда вихревые аппараты начнут победное шествие по промышленным предприятиям, стройкам, колхозам. Они видели уже, как крошечные вакуум-насосы не только перекачивают из одного места в другое продукцию химических заводов, но и попутно разделяют эту продукцию на фракции. Они видели уже, как на погрузке и транспортировке зерна, цемента работают не громоздкие, дорогостоящие сооружения, а маленькие вихревые транспортеры, могучие и дешевые. Необычайно мощные пылесосы, форсунки, смесители, влагоотделители — все это построено и действует потому, что человек наконец постиг загадки смерча, заставил его выполнять полезную работу. Причем у всех этих новых аппаратов ни одной трущейся части, ни одного подшипника, ни одной шестерни... Маленькая завитая спиралью трубка и есть сердце аппарата. Здесь рождается смерч, здесь создается вакуум, здесь сжатый воздух комнатной температуры резко охлаждается...

Но все это завтра. А пока, сегодня, надо до конца раскрыть тайны вихревых аппаратов.

Молодой инженер З. Фалалеева однажды во время очередного эксперимента обнаружила, что под действием воздушной струи почему-то разогревается только маленький участок улитки. Она не придала этому никакого значения. Откуда ей было знать, что несколько лет назад, во время испытаний первого эжектора, инженеры уже наблюдали подобное явление и также не придали ему никакого значения!

Теперь же они отнеслись к этому, как к драгоценной находке. Вот он, искусственный трансформатор тепловой энергии! Если создать в аппарате несколько таких трансформаторов, отбирающих у воздушной струи тепло, то температура струи резко снизится. Но какова сама природа возникновения трансформатора? Что порождает его? Год ушел на поиски. День за днем, месяц за месяцем они пытались найти причину местного нагрева. И нашли!

Позже они создали в своих аппаратах специальные трансформаторы, отбирающие у смерча тепло. И температура струи упала, приблизилась к расчетной.

Смерч становился все послушнее и послушнее. Но он еще не сдавался. Он готовил все новые и новые каверзы.

...И вот на испытательном стенде стоит уже готовый маленький аппарат. В спиралях улитки ревет воздух, мчащийся со сверхзвуковой скоростью. Сила вихря настолько велика, что подносить руку близко к струе опасно. Как-то во время испытаний улитка соскочила со стенда. Люди опомниться не успели, как стальные гайки, валявшиеся на полу, со свистом влетели в сопло аппарата. Такого миниатюрного, но могучего «пылесоса» еще не знает промышленность. Скоро узнает!

Включен другой аппарат, на соседнем стенде. И опять ревет воздух. Холодно! Из улитки бьет струя воздуха с низкой температурой.

Создаются все новые и новые аппараты: будущие пылесосы, будущие вакуум-насосы, будущие транспортеры, будущие измельчители...

Пока это лишь экспериментальные образцы. Их еще нужно, как говорится, «доводить». Но дело уже получило широкий ход.

...Испытания закончились. Плечом к плечу идут они по улицам Москвы — доктор технических наук М. Г. Дубинский с товарищами. Они молчат. О чем думают эти люди? О том, что эффект Ранка уже больше не загадка. Смерч наконец стал покорным, и его энергию можно использовать на благо человечества.

Уже первые опытные образцы вихревых аппаратов испытывались и на московском часовом заводе, и в Научно-исследовательском институте гидрометеоприборостроения, и на заводе сложных эфиров... Аппараты отсасывают стружку со станка, создают глубокий вакуум, переносят из помещения в помещение сыпучие материалы. Это лишь первенцы.

А может быть, они думают о том, что в Одесском технологическом институте пищевой и холодильной промышленности профессор В. С. Мартыновский со своими учениками добился поразительных успехов в получении холода с помощью вихревых аппаратов?

— Восемнадцать лет... — тихо говорит Дубинский. — Ну что ж! Нужно идти дальше.

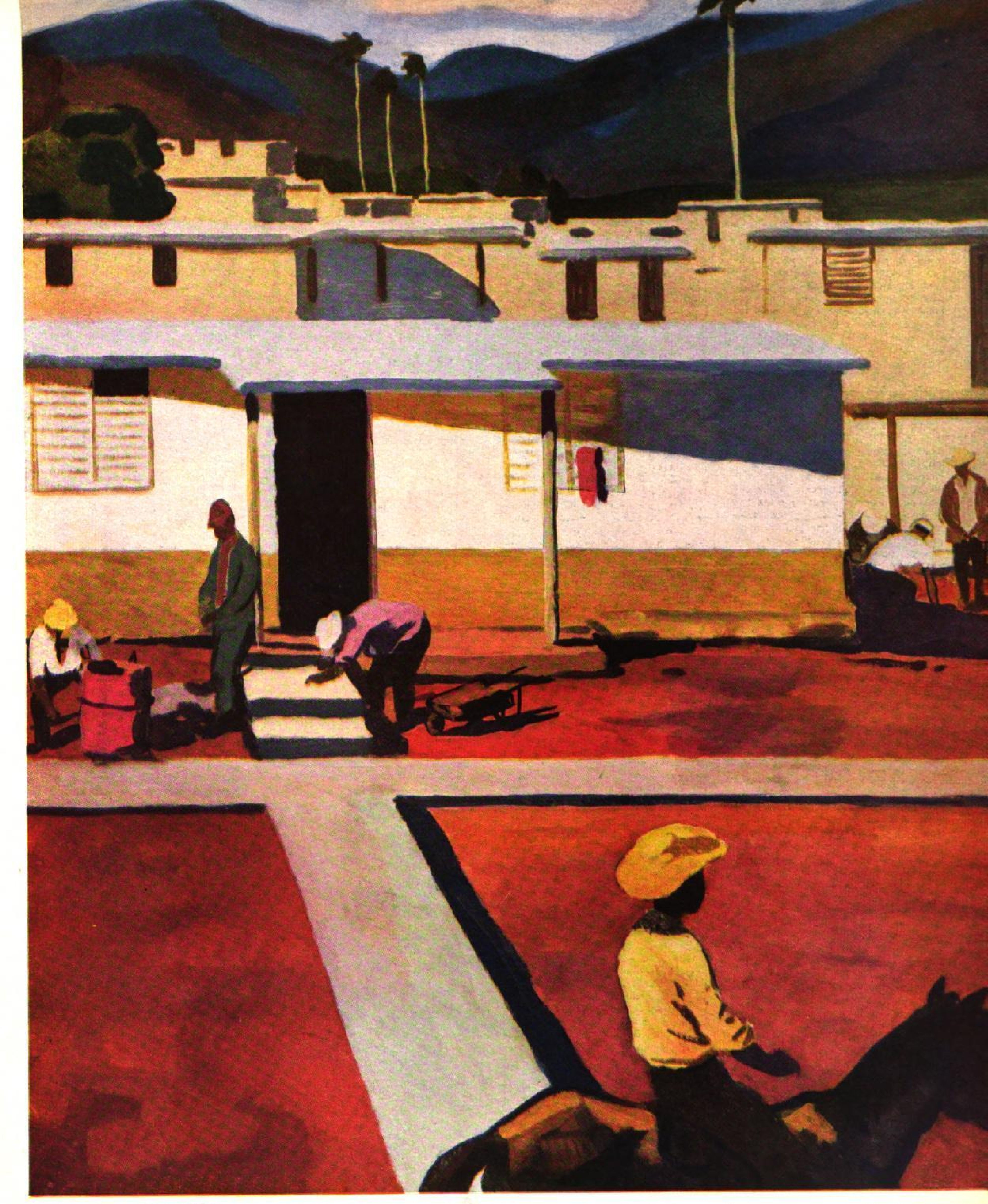
И опять они молча шагают по Москве, люди, обуздавшие смерч.

ПОСВЯЩЕНО КУБЕ

Месяц пробыли молодые художники П. Оссовский и В. Иванов на Кубе. Здесь все их удивляло, восхищало, хотелось все видеть и зарисовать. Уезжая, они везли чемоданы драгоценных зарисовок, набросков, готовых картин...

В день, когда кубинский народ разбил интервентов, в Москве, в Доме дружбы, открылась выставка работ В. Иванова и П. Оссовского, посвященная Кубе. Здесь пейзажи, портреты Фиделя Кастро и президента Дортикоса, солдат, крестьян, рыбаков, кубинских девушек...

240 работ представлено на выставке, и все они рассматриваются посетителями с огромным интересом.

П. Оссовский. НОВАЯ КУБА.

«Огонек».

П. Оссовский. УТРО В ГАВАНЕ.

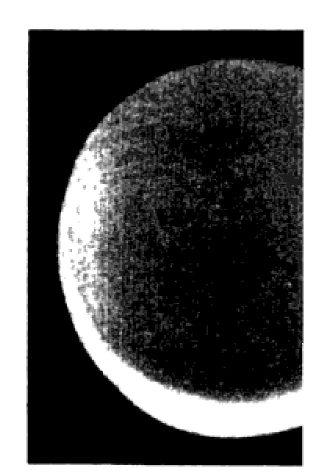
В. Иванов. СТАРАЯ КРЕПОСТЬ И МАЯК.

Мне бы очень хотелось, чтобы биолог или астроном рассказали о возможности жизни на других планетах, и особенно на планете Венера.

Ю. ДУНИН. Москва.

ПОБЕСЕДУЕМ, ПОДУМАЕМ, ПОСПОРИМ

Под облачным покровом Венеры

Ф. ЗИГЕЛЬ, кандидат педагогических наук

Сейчас, когда уже совершен первый полет человека в космос, ближайшая из планет — Венера особенно привлекает наше внимание. Но прежде чем послать экспедицию на Венеру, мы хотим возможно подробнее изучить ее природу, раскрыть ее тайны.

Нет, пожалуй, другой планеты в солнечной системе, сведения о природе которой были бы столь скудны и противоречивы. И вызвано это, в сущности, единственной причиной — необычайно облачной атмосферой Венеры.

* * *

Ровно двести лет назад, в июне 1761 года, наблюдая прохождение Венеры по диску Солнца, Ломоносов впервые заметил яркий, светлый ободок, охватывающий со всех сторон планету. С присущей его языку образностью Ломоносов писал, что ближайшая из планет «окружена знатной воздушною атмосферой, таковою (лишь бы не большею), какова обливается около нашего шара земного».

На протяжении последующих десятилетий «знатная», то есть густая, плотная, атмосфера Венеры доставляла много неприятностей астрономам. Тщетно пытались они составить карту поверхности Венеры: это оказалось таким же бесперспективным делом, как составление карты пасмурного земного неба. В телескоп Венера почти всегда казалась равномерно белой с немногими сероватыми и крайне изменчивыми пятнами.

Еще в XVIII веке наблюдатели заметили странное явление. В те периоды, когда Венера максимально сближается с Землей и выглядит в телескоп узеньким серпиком, становится заметной и остальная, слабо светящаяся ее часть. В этом явлении пепельного света Венеры астрономы прошлого века совершенно правильно усмотрели аналогию с земными полярными сияниями. Однако на Венере благодаря ее близости к Солнцу полярные сияния должны достигать исключительной мощности и силы — недаром мы их хорошо видим с расстояния в десятки миллионов километров!

Отсутствие четких постоянных деталей на видимой поверхности Венеры породило длительную дискуссию о продолжительности ее суток. Спорящие стороны предлагали самые разнообразные решения: от 24 часов, как у Земли, до 225 земных суток (что равно венерианскому году). Но все они были плохо аргументированы, и спор остался нерешенным.

Когда фотографы хотят снять далекий, затянутый атмосферной дымкой земной ландшафт, они применяют желтые или оранжевые «длинноволновые» светофильтры. Можно поэтому вполне понять американского астронома Росса, который в 1927 году пытался хотя бы слегка пробиться в глубь атмосферы Венеры, — он фотографировал планету сквозь инфракрасный фильтр. Но это ничего не дало. Венера казалась по-прежнему равномерно белой. Зато на фотографиях в ультрафиолетовых лучах, сильно рассеиваемых земной атмосферой, Росс неожиданно увидел широкие темные параллельные полосы, напоминающие те, которые отлично видны на поверхности Юпитера.

Спустя четверть века, в 1950—1955 годах, работы Росса были повторены на крупнейших современных телескопах. Предполагая, что темные полосы в атмосфере Венеры суть нижние слои ее облаков и что они параллельны экватору планеты, удалось подсчитать (разумеется, приближенно) наклон оси Венеры к плоскости ее орбиты. Оказалось, что этот угол близок к 58 градусам, а значит, по-видимому, на Венере периодически чередуются времена года, как и на Земле, только в несколько ускоренном темпе.

Но все-таки ультрафиолетовый бур не давал желаемого. Ни в один телескоп так и не удалось увидеть таинственную поверхность соседней планеты, и скорее всего такая задача для обычных оптических телескопов должна быть признана непосильной.

Облачная броня Венеры отлично отражает солнечные лучи, почти так же хорошо, как земной снег. Именно поэтому Венера на небе выделяется среди других планет ослепительной белизной. Но, с другой стороны, плотность облачного покрова Венеры сильно ограничивает возможности ее спектрального исследования. Ведь солнечные лучи, отразившись от облачного слоя, способны дать нам сведения только о самых верхних, стратосферных слоях Венеры, но не о ее атмосфере в целом. И все же спектр Венеры поведал о многом. Оказалось, что соседняя планета очень богата углекислым газом — его на Венере по меньшей мере в сотни раз больше, чем на Земле. Восемь лет назад профессору Н. А. Козыреву удалось заметить в атмосфере Венеры следы азота, а в прошлом, 1960 году после многолетних поисков найдены наконец явственные следы водяного пара.

Углекислый газ, азот, водяные пары — вот, по-видимому, главные составляющие атмосферы Венеры. Стала понятнее и природа облаков Венеры: по ряду оптических признаков это, по-видимому, земноподобные облака, то есть скопление мельчайших водяных капелек.

Много раз астрономы пытались измерить температуру Венеры. Однако и в этом случае облачный покров преграждал им путь в глубь планеты. Полученные температуры, в среднем близкие к —35°С, характеризовали, собственно, тепловой режим стратосферы Венеры, а вовсе не ее поверхности.

Недостаток достоверных знаний всегда порождает гипотезы. О природе поверхности Венеры их было высказано немало. Говорили, что за облачным покровом соседней планеты скрывается богатый органический мир. Утверждали даже, что Венера — это живое прошлое Земли и что будто бы она переживает сейчас каменноугольную эпоху. Были и такие, кто населял Венеру ящерами и другими уже ископаемыми для Земли животными. Нередко можно было слышать мнение, что соседняя планета — пока еще только колыбель зарождающейся жизни. Наконец, наиболее романтически настроенные фантасты описывали изумительные по красоте оранжевые леса и красные луга Венеры, дополняемые ее вечно теплым, мягким климатом.

Недавно радиотелескопы пробили наконец до дна облачную атмосферу Венеры, но, проделав это, они раскрыли перед человечеством картину, которую вряд ли можно признать привлекательной.

Для радиоволн сантиметрового и дециметрового диапазонов атмосфера не является препятствием. Сквозь нее они проникают с большей легкостью, чем солнечный луч через чистое оконное стекло.

По интенсивности теплового радиоизлучения Венеры удалось вычислить, как нагрета ее поверхность.

Результатам сначала не хотели верить: получалось, что на Венере господствует жара в 250—300 градусов по Цельсию. Но факты — вещь упрямая, и с ними приходится считаться даже тогда, когда они противоречат общепринятым мнениям.

К десятому апреля нынешнего года расстояние между Венерой и Землей резко сократилось. В этот день оно было близко к 40 миллионам километров. Воспользовавшись благоприятным расположением планет, советские астрономы произвели радиолокацию Венеры.

Как известно, радиолокаторы посылают в направлении к цели мощные пачки радиоволн. Отразившись от цели, эти радиоволны возвращаются обратно и улавливаются радиолокатором. По времени их полета, зная скорость радиоволн, можно легко узнать расстояние до цели.

Советские радиолокаторы с большой точностью определили расстояние до Венеры и тем самым позволили уточнить величину астрономической единицы. Так астрономы называют основной эталон длины, равный среднему расстоянию от Земли до Солнца. Оказывается, Солнце на 47 000 километров ближе к Земле, чем считали раньше. По новым данным советских ученых, астрономическая единица равна 149 457 000 километров.

Уточнение величины астрономической единицы имеет огромное значение для космических полетов. Ведь расстояние до планет, как и вообще все расстояния в солнечной системе, известно нам именно в этих единицах длины. Значит, теперь при вычислении траекторий космических ракет астрономы будут допускать значительно меньшие ошибки.

Но вернемся к Венере. Если бы эта планета не вращалась вокруг оси (по отношению к земному наблюдателю), то радиоволны отражались бы от всех частей ее диска без изменения частот колебаний. На самом деле советские радиолокаторы обнаружили заметное расщепление частот в отраженных от Венеры радиоволнах. Значит, Венера сравнительно быстро вращается вокруг оси. По данным советских ученых, сутки на Венере почти в десять раз длиннее земных суток. Так ровно через двести лет после открытия М. В. Ломоносовым атмосферы Венеры его соотечественники решили наконец длившийся веками спор о продолжительности венерианских суток.

Советские ученые сделали и второе интересное открытие. Во время наблюдений на поверхности Венеры заметили области с различными коэффициентами отражения радиоволн. Это говорит против принятой гипотезы о том, что вся поверхность Венеры покрыта океаном. С другой стороны, не исключено, что вокруг Венеры, как и вокруг Земли, есть пояса радиации из быстродвижущихся протонов и электронов. Может быть, тормозясь в магнитном поле Венеры, электроны ее поясов радиации излучают те мощные радиоволны, которые мы ошибочно считаем порожденными поверхностью Венеры? Но тогда выводы о нестерпимой жаре на соседней планете оказываются преждевременными, и возможно, что мир Венеры гораздо более схож с миром Земли, чем мы предполагали совсем недавно.

...Тайны Венеры еще полностью не раскрыты. Но кто может сомневаться в том, что человек не отступит перед решением загадок, которые ставит перед ним природа?

Весенн

Вл. ЛИДИН — Рассказ — Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

Всю ночь что-то скребло и гудело, работал трактор с прямым совком впереди, сгребавшим строительный мусор, и утром вдруг стало пусто и голо, словно битый кирпич и обрезки кровельного железа и составляли жизнь вокруг. Дом был готов, только внутри кое-что доделывали маляры и монтажники, и сквозь окна лестничной клетки было видно, как всползает до седьмого этажа и затем спускается вниз нечто феерически освещенное — это опробовали лифт. А затем прекратилось и движение лифта, небо без подъемных кранов, которые увезли постепенно, стало пустым, зима еще не сдавалась, и ветер сдергивал одну за другой грифельно-серые тучи. Утром один из рабочих оторвал укрепленную на двух столбиках доску с надписью «СУ», и между построенными домами образовался проезд, еще никак не названный.

Это было какое-то скучное время, как бывает всегда, когда о ком-то заботились, была жизнь, а теперь все отсюда ушли, жизнь теперь в другом месте, а здесь начался «предвъездный период», как объяснил склонный к высоким понятиям бывший заведующий материальным складом Шереметев. Склада уже не было, на его месте лежали только горки цемента и обрывки толя, а Шереметев остался охранять пока еще пустые подъезды, даже без номеров над ними.

Но в первое же воскресенье к одному из подъездов подъехало грузовое такси, в нем были шкафы, стулья и кровати, рядом с шофером сидела восьмилетняя девочка, а в самой машине — на диване, очень комфортабельно — другая девочка, оказавшиеся сестрами Левашевыми, дочерьми фотокорреспондента одной из газет, Женей и Юлей.

Это было очень сложно, интересно и в то же время тревожно, что началась совсем новая жизнь, в новом районе, и уже через день — другой придется ходить не в старую, знакомую школу, а в новую, только недавно построенную здесь, и как еще все сложится, какие будут учителя и подруги; а старые подруги и учителя остались где-то так далеко, словно в другом городе. Александр Иванович Левашев получил ордер одним из первых. Следовало, правда, еще недельку подождать, пока в доме наведут полный порядок, но он торопился: дом, в котором жили до сих пор, должны были скоро снести за ветхостью, и Левашев сразу же, как только получил ордер на квартиру, в первое же воскресенье, погрузил вещи в грузовое такси, и в доме вечером засветилось окно первого новосела. Но почему-то жене Левашева Елене Николаевне было грустно, и она сама не знала, почему, хотя у них была теперь трехкомнатная квартира в новом доме, со стенными шкафами, мусоропроводом, стерильно-белой газовой плитой, и лифт чуть напевал, поднимаясь наверх, а в прежнем доме не было лифта и приходилось пешком одолевать крутую лестницу.

— Знаешь, Саша, — сказала она смутно, — я как-то еще не могу поверить, что у нас новая квартира... в общем, район, конечно, чудесный, но мама живет на Арбате, и теперь до нее будет так далеко.

— Пустяки, — сказал Левашев, обдумывая, как затемнить фрамугу в ванной, чтобы можно было проявлять и печатать фотографии, — привыкнешь. Метро, автобус — все под рукой, чего тебе еще надо.

Он говорил, как деловой, хозяйственный человек, он не понимал того тонкого, женского, что было в ее душе; он всегда был такой: чуть снисходительный к ее слабостям и твердый, когда касалось жизненных дел. А Елена Николаевна была слабой, она знала это, и все же ей было грустно, хотя и осуществилось наконец то, о чем мечтали не один год, и вот ключ от английского замка их квартиры, и номер 96 — теперь их номер: они жильцы 96-й квартиры.

— Открываете шествие пионеров, — сказал Шереметев возвышенно, когда они предъявили ордер, и снял с нумерованной доски ключ их квартиры. — Желаю приятного новоселья.

Но дом номера еще не имел, значился как 4-й корпус на строительной площадке СУ, и вообще неизвестно, как отыщут теперь их, Левашевых, знакомые. Елена Николаевна подумала, что мать, конечно, радуется за них, но где-то в душе затаила, наверно, скорбную мысль, что вот теперь стало далеко и до дочери, к старости человек всегда обречен на то, что многое становится от него далеко.

Левашев между тем, встав на лесенку, прилаживал над фрамугой в ванной металлический прут, чтобы повесить на кольцах занавеску, которую можно будет легко задернуть, когда он займется своими фотографическими делами. Потом с «Зорким» через плечо он вышел на балкон и снял вид — остатки строительной площадки, совсем пустые корпуса, безлюдный двор и проезд, у которого еще не было названия.

— Интересно будет через год посмотреть, как все это выглядело, — сказал он довольно, нащелкав с десяток кадров.

Потом он позвал девочек и снял их на балконе — они стояли, немножко гордые оттого, что этот балкон принадлежал теперь им и позади была широкая панорама с огромным небом; наверно, и эти еще снежные поля застроят со временем, это будет большой, новый район со своим населением и судьбой. Но все же девочки были тоже чуть смущены и грустны, и Александр Иванович Левашев понял и сказал:

— Пойдете в новую школу — быстро освоитесь. А сейчас спуститесь во двор, поиграйте, мы с мамой будем пока устраиваться.

Девочки оделись, вышли на площадку лестницы и нажали кнопку лифта. Загорелась красная лампочка, они подождали, вежливо появился снизу лифт, и девочки, чуть робея, вошли в кабину, нажали теперь кнопку возле цифры I, и сейчас же чуть тошно подступило к горлу, когда начали спускаться, а затем стало интересно, как проходят мимо этажи с большими черными номерами на стенках. Потом девочки вышли из подъезда, и сразу же с пустырей неуютно задул ветер. Двор был еще не заасфальтирован, только каток рябо укатал на нем битый кирпич.

— Давай играть в «классы», — предложила младшая, Юля, проворная и рыжеватенькая, как лисичка, а Женя была полной и медлительной.

Младшая достала из кармана шубки мел, но мел крошился и ломался, пока расчерчивали на неровной поверхности классы, и классы совсем не получились. Девочки все же попрыгали, но больше для того, чтобы отец увидел с балкона, как они прыгают.

— Скучно, — сказала Женя. — Еще никто не живет здесь. Ни Мирра, ни Люся — никто сюда не приедет: матери не отпустят их.

В общем, она была, конечно, права, Женя: вряд ли они скоро увидят теперь школьных

ий рассвет

подруг — одних их сюда не пустят, а матери еще когда соберутся.

— И Надежда Ивановна не приедет,— сказала Женя. — У Надежды Ивановны больное сердце, она никогда далеко не ездит... мы ведь сколько сюда добирались,— наверно, целый час ехали в этом грузовом такси.

Девочки погуляли еще немного и вернулись домой.

— Ужасный ветер, — сказала Женя, — прямо с ног валит.

— Ну, так уж и валит, — отозвался отец, стоя на лесенко. — Любишь ты преувеличивать.

— Честное слово, прямо ураганный ветер, спроси хоть Юлю, — обиделась Женя.

— Наверно, здесь долго еще будет гулять ветер, — сказала Елена Николаевна. — Кругом не застроено, просто поля.

— Застроят, — сказал Левашев уверенно. — Теперь быстро строят.

Вещи стояли посредине комнат, наверно, еще не один день пройдет, пока все станет на места, и вечером девочки ложились неуютно: их постели, стоявшие в прежнем доме рядом, теперь стояли по стенам, люстры еще не было, только висела на проводе лампочка, и в комнате пахло штукатуркой.

— Все-таки замечательно, что у нас теперь отдельная квартира,— сказала Юля.— И ванна есть, и лифт есть.

Но старшая молчала: в комнате было совсем пусто, и во всем доме еще никто не жил, и было жалко подруг и старого тополя, над которым весной обычно черно вились грачи и устраивали свои гнезда. Она молчала, старшая, плотнее закутывалась в одеяло, но простыни были какие-то волглые, совсем чужие.

— Знаешь, сколько мы ехали на грузовом такси? — сказала она. — Наверное, целый час ехали. А здесь совсем поле, прямо страшно как-то.

— Застроят, — сказала младшая тоном отца. — Спи, пожалуйста.

Они обе помолчали, думая каждая о своем, потом все-таки заснули, хотя и не сразу.

Левашев приладил наконец занавеску на фрамуге и сел с женой пить чай в кухоньке. Кухонька была светлая, с блистающими газовой плитой и кафелями возле раковины.

— Теперь мы заживем, Ленок! — сказал он довольно. — Застеклю свои лучшие фотографии и развешу их. Застеклю все свои весенние пейзажи, смотреть на них зимой будет замечательно.

Левашев был высокий, длиннорукий и длинноногий, как и полагается фотографу, который должен всюду поспеть за событиями, но очень худой, с черными, уже чуть седеющими волосами, которые всегда падали на лоб, и во время работы он общелкивал их широкой красной резинкой. Елена Николаевна, маленькая и робкая, с тонким, нежным румянцем и большими голубыми, всегда чему-то сострадающими глазами, тревожилась, что муж начал рано седеть, но что делать, если у него такая беспокойная профессия! Они сидели в кухоньке с неуютно голым, еще не занавешенным окном и пили чай.

— Пожалуй, я сделал ошибку, — сказал Левашев. — Надо было в субботу переехать, тогда я все воскресенье мог бы устраиваться, а так завтра с утра на работу.

— Знаешь,— сказала Елена Николаевна,— я, наверно, не скоро привыкну... мне как-то жаль маму, она теперь так далеко, не знаю даже, как добираться отсюда на Арбат. — Она посмотрела на него чуть виновато своими голубыми глазами. — Ты, Саша, должен понять меня.

— Привыкнешь, — ответил он. — Знаешь, что я придумал? Можно будет в нише возле кухни сделать полки, размещу там все свои принадлежности. А снаружи завесим, куплю набойку, есть очень красивые.

Он отпивал чай, смотрел мимо и видел полки со своими фотопринадлежностями. После чая жена перемыла чашки, легли спать, но было, как на даче: стекла окон вздрагивали от ветра, ветер был с полей, они лежали близко, белые и длинные, словно это была уже совсем не Москва.

Утром Левашев уехал на работу пораньше: надо было рассчитать, за сколько времени можно добраться до места работы. Девочек Елена Николаевна не будила: пусть поспят подольше на новом месте. Пока обе спали, она спустилась вниз и вышла на улицу осмотреться, где и какие магазины поблизости. Всюду стояли подъемные краны, одни дома строились, другие были уже построены, но еще не заселены, и витрины будущих магазинов пока забелены мелом. Правда, над некоторыми были уже вывески: «Булочная», «Мебель», «Гастроном», — но магазины еще не торговали. Хорошо, что вчера захватили с собой целую батарею бутылок с молоком, они выстроились между окнами в кухоньке, и Елена Николаевна, вернувшись, сварила для девочек какао.

— Теперь идите погулять, — сказала она, когда девочки позавтракали. — С завтрашнего дня начнете ходить в школу, папа уже обо всем договорился.

Женя была во втором классе, а Юля только осенью поступила в первый, еще гордилась своим портфельчиком, уже полюбила школу, теперь придется снова привыкать и осваиваться, а таких подруг, как Мирра или Люся, конечно, не так-то легко найти.

Девочки стали спускаться, на этот раз пешком, чтобы лучше осмотреться, и внизу, в вестибюле, встретили Шереметева.

— Ага, — сказал он, — молодое поколение осваивает новое жилищное строительство. Правильно.

Шереметев был широкий, словно рос в ширину, с толстым, чуть висячим, но добрым носом.

— Правильно, — повторил он и подержал в руке одну из рыжеватых косичек Юли.

Девочки переглянулись, но сдержали себя и не фыркнули. Снаружи мело снежком, и в воздухе то шарахались в сторону, то парили редкие снежинки. Верхние окна корпусов напротив отражали белое небо, и сразу чувствовалось, что за окнами никто не живет. Девочки дошли до конца проезда, и теперь впереди была еще совсем зима: белые поля и над ними шел снег.

— Папа обещал купить лыжи, — сказала младшая. — Будем ходить на лыжах. Прямо в поле — и всё, а в Москве и снега-то нету.

Но все-таки в Москве жили и бабушка, и Надежда Ивановна, и Люся, и Мирра, и никакие лыжи не заменят их.

— Ужасный ветер, — сказала Женя, — непременно простудимся. Особенно ты с твоими гландами.

Но они все-таки прошли еще в обратную сторону, до широкой улицы со строящимися домами, и решили посмотреть на школу, в которую с завтрашнего дня начнут ходить. Школа была совсем близко, новая, с широкими окнами и даже с садом, в котором, видимо, осенью посадили еще совсем маленькие деревца. Девочки поглядели на деревца, и обе вспомнили про одно и то же — про тополь во дворе старого дома, как этот тополь весной покрывается листьями, и летом от него тень наполовину двора. Но школа была все же красивая, просторная, в одном из окон видна была женщина в белом, и возле нее ярко вдруг заполыхал огонь: наверно, это буфет или столовая для школьников.

Они еще постояли напротив школы, ясно было, что в ней полным ходом идут занятия, и теперь уже не казалось, что ужасный ветер; ветер был, как всегда в эту пору,— в марте он всегда то начинает крушить и даже поднимает метель, то совсем стихает, и внезапно с грохотом что-то обрушится в водосточных трубах, будто это сломалась зима. Девочки пошли обратно и увидели вдруг, что возле их подъезда стоит большой фургон, его начали уже разгружать, на широком тротуаре по-домашнему расположились стулья, а на одном из них сидит старая полная женщина, чем-то похожая на бабушку.

— Вы, деточки, тоже живете здесь? — спросила женщина.

— Да, — ответила Юля. — Девяносто шестая квартира. А ваша какая?

— Восемьдесят седьмая, — сказала женщина.

— Это, наверно, на пятом этаже, — сообщила Юля уже как старожил.

Было приятно, что кто-то еще переехал: все-таки неуютно жить в доме одним.

— Наша фамилия — Левашевы,— добавила Юля, уже расположенная к старухе. — А ваша как?

— А наша — Стрельбищевы. Вот только подруг для вас нет. Один мальчик.

— А как зовут вашего мальчика? — спросила Юля, хотя старшая и одернула ее.

— Это внучек мой. А зовут его Мишей. Только он постарше вас, ему уже двенадцатый год.

Девочки постояли еще рядом, а потом, чтобы не мешать, дождались лифта, который уже домовито гудел, поднимая наверх вещи.

— Приехали еще квартиранты, — сообщила Юля, едва мать открыла дверь. — Их фамилия Стрельбищевы. У них мальчик, но старше нас. Его зовут Мишей.

Потом они рассказали, что посмотрели на новую школу, там буфет, можно будет ничего не брать с собой для завтрака, а возле школы стояла машина с надписью «Мясные продукты», наверно, с котлетами или еще чем-нибудь, может быть, с сосисками.

Весь день устраивались, девочки помогали матери доставать из ящика посуду, а из чемоданов белье и одежду и раскладывать на полках буфета и стенного шкафа. Левашев вернулся в седьмом часу довольный и оживленный.

— Знаешь, я нашел, как быстро добираться, — сказал он жене. — От метро прямой автобус почти до нашего дома. Так что на метро уйдет двадцать минут, я смотрел по часам. Ну, и на автобус с ожиданием минут пятнадцать. Значит, за сорок минут я на работе. Значит, без четверти шесть я дома. Просто замечательно.

Левашев сразу же после обеда принялся вешать шторы на окнах, и уже к вечеру в двух комнатах стало обжито, вещи стояли на своих местах, в буфете скромно блестела на новом месте посуда, и Левашев принялся теперь за люстру над обеденным столом. Девочки стояли рядом и помогали ему, ноги отца на ступеньке раскладной лесенки были на уровне их

голов, на ногах были знакомые поношенные тапочки, от которых тоже все было по-домашнему, а отец все умел: он был и фотографом, и монтером, и обойщиком, он все умел, и на подоконнике лежали аккуратно нарезанные стекла для его весенних пейзажей — лучшего окантовщика, чем он, наверно, и не найдешь.

Вечером в квартиру вдруг позвонили, и Елена Николаевна пошла открыть дверь. За дверью стоял очень вежливый невысокий человек в черной военной шинели без погон.

— Позвольте познакомиться, — сказал он.— Ваш сосед, инженер-механик Стрельбищев. Не найдется ли у вас на полчасика молотка? Мой при отъезде куда-то задевали.

Левашев слез с лесенки и подал инженеру Стрельбищеву молоток.

— Левашев, — представился он. — Заведующий фотолабораторией газеты.

У Стрельбищева были жемчужные подстриженные усы, красноватое, чуть обветренное лицо, и он был сдержанно-учтивый и подтянутый.

— А я судовой механик, плавал на военных судах. Теперь на пенсии.

— Замечательно, — сказал Левашев. — Такому соседу только порадуешься.

Он вручил молоток, но, узнав, что в одной из комнат квартиры инженера почему-то не горит электричество, пообещал позднее зайти посмотреть щиток.

— Замечательно, — повторил он, вернувшись и снова поднимаясь на лесенку, — представь себе только, судовой механик, наверно, поплавал по всем морям. Видишь, я говорил тебе, Ленок, что обязательно найдутся хорошие соседи.

Он повесил люстру, подключил ее к сети и спустился вниз, к инженеру Стрельбищеву. Стрельбищевых было трое: он сам, Игорь Владиславович, его двенадцатилетний сын Миша и мать покойной жены Стрельбищева, Пелагея Васильевна; жена Стрельбищева умерла два года назад.

— Не дождалась, когда я осяду на суше, — сказал Стрельбищев, — свыше четверти века был в плавании, а она все ждала меня. А без матери мальчику, сами понимаете, как... бабушка, конечно, души в нем не чает, но она уже старенькая.

Стрельбищев говорил доверительно: все-таки они теперь надолго соседи, и лучше сразу узнать друг о друге все.

— А у меня девчонки, — сказал Левашев, — но славные девчонки, честное слово, говорю так не потому, что я отец. Познакомьте меня с вашим Михаилом, я приглашу его, пусть бывает у нас.

Стрельбищев позвал сына и представил его Левашеву. Миша был стройный,—должно быть, в мать,— очень спокойный и вежливый; глаза у него были красивые, карие, и весь он обещал стать красавцем со временем.

— Ну вот, — сказал Левашев, — будем знакомы, Михаил. Фотографией интересуешься?

— Интересуюсь, — ответил тот вежливо.

— А фотоаппарат у тебя есть?

— Да, «Любитель».

— Превосходно. Хороший фотоаппарат, хотя многие его недооценивают. И светосила объектива приличная. Будешь заходить — научу снимать так, что только пальчики оближешь.

Левашев проверил щиток, сменил одну из пробок, и свет в комнате зажегся.

— Большое спасибо, — сказал Стрельбищев. — Право, сразу удача: хороший сосед.

— Удача обоюдная, — отозвался Левашев довольно.

Полчаса спустя Миша принес молоток, и Левашев представил сына соседа жене и девочкам.

— Михаил Стрельбищев, — сказал мальчик так же учтиво и вежливо, как говорил и отец.

— Садитесь, Миша, — предложила сразу же Елена Николаевна, — будем пить чай. И знаете что, вы, наверно, еще не устроились, позовите папу, пускай и он приходит, а мы уже устроились, и чайник как раз вскипел. Право, позовите папу пить чай.

— Большое спасибо, — сказал мальчик. — Но папа, наверно, не захочет оставить бабушку одну, она и так все время плачет. И мне тоже не совсем удобно оставить папу и бабушку. Я лучше в другой раз приду.

Он поблагодарил за молоток и ушел, а у Елены Николаевны ее добрые голубые глаза были полны слез.

— Придет, — сказал Левашев, искоса посмотрев на жену и сделав, как обычно, вид, что ничего не заметил. — Отличный мальчик, сразу видно. И вас в случае чего в обиду не даст. — Он поглядел на девочек, почему-то притихших. — А матери у него нет, так что и вы, в свою очередь, будьте к нему особенно внимательны.

Неделю спустя, в воскресенье, самый удобный день для переезда, в квартире восемьдесят шесть, на одной площадке со Стрельбищевыми, поселилась семья старшего мастера абразивного завода Петрушина, и Миша Стрельбищев в первый же день познакомился с сыном Петрушина Юрой, с которым предстояло учиться в одном классе. Юра, маленький и хозяйственный, до чрезвычайности общительный, в знак расположения к Мише поднес ему карборундовый брусочек, на котором можно было острейше наточить лезвия перочинного ножа. Волосы у Юры были черные, мягким ежиком, и весь он был какой-то плюшевый — Юра Петрушин.

— У отца на заводе, знаешь, какие бруски производят... например, электрокорунд или карбид бора — любой металл можно ими шлифовать, так что только искры посыплются, — посвящал он в профессию отца Мишу.— Ты когда к нам зайдешь, я тебе покажу образцы... отец умеет и алмазы шлифовать, а ты знаешь, что такое твердые сплавы? А в школу давай ходить вместе.

Они начали ходить в школу вместе, поджидали и девочек Левашевых, и те всегда семенили чуть впереди. Елена Николаевна все-таки настояла, и инженер Стрельбищев пришел с сыном пить к ним чай. Было очень интересно послушать, как Стрельбищев плавал по разным морям, побывал и в Бискайском заливе с его вечными штормами, послушать и о разных событиях минувшей войны на Северном флоте, где Стрельбищев служил не на одном корабле.

— Увлекательнейшая ваша профессия, — сказал Левашев, — нам, сухопутным, остается только позавидовать.

Он достал фотоаппарат и осветительную лампу и сделал снимок с сидящих за столом.

— Увеличу и поднесу вам, — сказал он Стрельбищеву,— на память о нашем новоселье. Когда-нибудь будем вспоминать. Годика через два-три подберется к нам и станция метро, а полей и не увидишь... их, наверно, уже через год не увидишь. Шагает Большая Москва.

Девочкам, которым в день приезда так не понравились поля, лежавшие за их домом, стало теперь жаль, что полей этих скоро не будет, — удивительно, как все меняется на свете. Удивительно, что у Юли сразу же нашлись две подруги — Нюра и Вета, она, конечно, никогда не забудет Мирру и Люсю, но это тоже очень хорошие девочки, и она уже дружит с ними просто сама не знает как.

Утром раз, выйдя из дому, сестры увидели во дворе девушку в белой курточке, с тележкой, в которой стояли бутылки с молоком, и все, кто уже поселился в доме и в корпусе напротив, спускались купить молоко; девушку звали редким именем — Васса, но все называли ее просто и весело — Васенька. Все говорили: «Васенька, привезите завтра кефиру, если будет», — а несколько женщин просили ряженку, и Васенька стала привозить кефир и ряженку.

Однажды, тоже утром, Шереметев, теперь уже ставший управдомом, увидел, как подъехал «пикап», из него вышел молодой человек, достал из портфеля карту и долго разбирался в ней. Потом он попросил у Шереметева лесенку, порылся в груде эмалированных дощечек, лежавших в кузове машины, и стал прилаживать на углу дома одну из них. На дощечке значилось «Проезд строителей» — так теперь назывался безымянный дотоле проезд между двумя рядами построенных корпусов, — так назывался теперь их, девочек Левашевых, проезд. Проезд строителей, дом 24, корпус А, квартира 96 — таким был теперь их полный адрес.

Как-то в квартиру мастера Петрушина позвонили, он сам открыл дверь, было воскресенье.

— Здравствуйте, — сказала девушка с сумкой. — Петрушин здесь живет? Вот «Правда» и «Советская Россия», сразу за четыре дня. Наше почтовое отделение только сегодня открылось. Будете писать письма — обязательно указывайте номер нашего района.

Петрушин, строгий и молчаливый, в очках, сказал:

— Очень приятно. Обязательно буду указывать номер. Значит, наше почтовое отделение открылось?

— Да, только сегодня утром. И сберкасса в нашем отделении, так что помещайте у нас свои капиталы.

Девушка весело поднялась этажом выше и позвонила Стрельбищеву.

— Почта! — сказала она звонко, когда бабушка спросила за дверью.

Потом она позвонила Левашевым.

— Почта! — повторила она тем же звонким голосом.

Она была румяная и быстрая, молодой письмоносец; всегда приятно доставлять письма и газеты новоселам, приятно, когда начинается новая жизнь; и вот вчера ночью поехали куда-то, отстроив свое, еще два подъемных крана, втянули свои длинные шеи и поехали куда-то; большие забеленные окна, над которыми протянулась вывеска «Булочная», оттерли изнутри, появился фургон с надписью «Хлеб», а вечером вывеска зажглась сквозными скользкими красными буквами; они чуть дрожали, но нежно, и сделали розовым тротуар. Письмоносица звали необычно — Аэлита, но Левашев объяснил девочкам, что так звали жительницу одной из планет, ее повидали, может быть, во время полета на ракете Белка и Стрелка, — увеличенные портреты этих собак висели в комнате девочек. Елена Николаевна долго не соглашалась, чтобы взяли щенка; но у зубного врача Мясоедовой, поселившейся в подъезде напротив, ощенилась собака Милка, и Юля принесла раз в подвернутой поле пальто крохотного, теплого, в черных очках щенка. Елена Николаевна вознегодовала, но мать была доброй и сострадательной, девочки это знали, и щенок остался и получил имя Фуксик. Елена Николаевна только строго предупредила, что девочки будут сами убирать за ним, но Фуксик скоро подрос, освоился, стал по-хозяйски тявкать, требуя теплого молока, и Елена Николаевна поступила в полное услужение ему.

Письмоносицу Аэлиту все стали звать сокращенно Литочка, как звали Васенькой продавщицу молока, и без Васеньки и Литочки теперь уже казалась невозможной жизнь в доме.

— Ну-с, — сказал Левашев, когда Миша Стрельбищев пришел к нему как-то со своим «Любителем», — теперь я тебя сделаю заправским фотографом. Теперь ты у меня будешь снимать, как миленький, и проявлять и печатать тоже научу тебя. Вторая профессия никогда не помешает в жизни. А фотографов все любят: они летописцы человеческой жизни. Кроме того, фотограф может сделать человека красивым, а может и так его снять, что не поздоровится.

Миша быстро научился хорошо снимать, он снял и новую школу, и перспективу строящихся домов, сделал портрет и Шереметева, невольно приосанившегося, когда тот увидел, каким он получился. Заниматься фотографией Левашев мог только после десяти, когда девочки уже умылись и легли спать, и тогда он с Мишей вдвоем таинственно запирались в ванной, над чем-то колдовали, а потом под потолком висели на защипках длинные скользкие змеи пленок, и Елена Николаевна то и дело задевала их головой...

Теперь уже почти оба корпуса были заселены, все чаще подъезжали то грузовые такси с вещами, то целые фургоны для перевозки мебели. Многие окна по вечерам голубовато светились — это уже работали телевизоры, в подъездах стояли детские колясочки, а днем те, кто подрос, гуляли группами, целая цепочка маленьких попарно, и апрель уже мягко прошелся над крышами. По всему двору вдоль фасадов домов вскапывали землю и чернели лунки для посадки деревьев. Руководить посадками взялся художник Перфильев, график и оформитель детских книг. Миша Стрельбищев и Юра Петрушин быстро сколотили бригаду озеленителей из школьников, живших в их доме. Бригада помогала рыхлить землю,

убирать камни и обломки кирпичей, и Перфильев сдружился с мальчиками. Перфильев сделал иллюстрации к нескольким сказкам Андерсена и пообещал озеленителям подарить каждому по книге со своими иллюстрациями, как только справятся с посадками.

К одному из мальчиков — Севе Толиверову — он испытывал особенную нежность: у Севы не было отца, мать его работала стенографисткой, и Перфильев часто видел невысокую озабоченную женщину с милым усталым лицом, всегда куда-то спешившую. Отец Севы погиб семь лет назад от какого-то несчастного случая, и Ольга Сергеевна Толиверова сама растила и воспитывала сына. Сева тоже хотел быть художником и как-то, набравшись храбрости, принес показать Перфильеву свои рисунки.

— Чудесно, — сказал Перфильев, — у меня будет теперь помощник... будем вместе рисовать.

Сева быстро присмотрелся, как пользуется Перфильев акварелью, научился сочетать краски и стал помощником Перфильева и по озеленению. Перфильев сделал большой акварельный проект будущих посадок, газонов и мест для игр детей. Деревца привезли в конце апреля, помогать пришли и женщины, чтобы деревца не пострадали, если их сразу не посадить, и к вечеру все было готово. К вечеру деревья стояли в два ряда вдоль фасадов домов, — правда, еще не деревья, а всего лишь маленькие деревца, но им предстояло зацвесть, им предстояло вырасти и стать со временем целым садом, когда все уже забудут, как приехали сюда, как кругом были пустыри и как дети начали ходить в новую школу, а многие еще только дожидались, когда подрастут и станут тоже школьниками.

Вечером, когда Перфильев отмывал руки от земли и на его рабочем столе, под широким светом плоской лампы, уже заготовлен был лист ватманской бумаги для работы и рядом лежали мятые тюбики с акварельными красками и флакончик с тушью, к нему, в его однокомнатную квартиру, позвонили. Он, вытирая руки, пошел открыть дверь.

— Извините меня, — сказала Ольга Сергеевна Толиверова, — но я пришла поблагодарить вас за Севу. Не знаю даже, как благодарить вас. Он в вас просто души не чает.

— Но что же такого я сделал для него? — удивился Перфильев. — Ровно ничего. Зайдите, пожалуйста.

Женщина вошла и присела возле его рабочего стола.

— Вы, наверно, не знаете, как дети отзывчивы к ласке и вниманию... тем более дети, у которых нет кого-либо из родителей. А вы к Севе так внимательны, и рисовать он начал хорошо, конечно, благодаря вашей помощи.

Она несколько беспокоилась, что отнимает у художника время, ее милое лицо с чистыми серыми глазами было утомленным и озабоченным: наверно, опять нужно спешить на какое-нибудь заседание стенографировать.

— Спасибо, Кирилл Алексеевич, — сказала она, поглядев ему в глаза, — спасибо за то, что вы хороший человек.

— Ну, что вы... — смутился Перфильев. — Просто у Севы есть способности, из него действительно, может быть, выйдет художник.

Конечно, она торопилась, Ольга Сергеевна Толиверова: она посидела всего несколько минут, и он проводил ее до двери.

— Мне очень приятно, что вы зашли. Если у вас будет когда-нибудь побольше времени, приходите еще. Приходите с Севой.

— Спасибо. Приду как-нибудь с Севой.

Она пришла вскоре с Севой, Перфильев успел купить в открывшемся поблизости «Гастрономе» пирожные, и они сидели втроем и пили чай с пирожными. А потом на одном совещании об искусстве книжной иллюстрации Перфильев увидел Ольгу Сергеевну за столиком стенографисток, она торопливо записывала речи, и в перерыве он подошел к ней.

— Вот видите, где мы встретились, — сказал он. — Если вы после совещания домой, то поедем вместе. Я подожду вас у выхода.

Они встретились у выхода, хотели сразу пойти к метро, но Перфильев предложил вдруг:

— Пройдемте немного по набережной, а в метро сядем у Парка культуры.

Они вышли вскоре на набережную, Москва-река полноводно лоснилась, и набережная со своими огнями была опрокинута в ней, она была опрокинута в ней со своей весной и распускающимися деревьями.

— Вы записали два пуда речей, — сказал Перфильев, — а как жаль, что ни вы, ни я не можем записать движения воды и затихающего шума города, это совсем особенный шум весной. Во время летних каникул я буду брать с собой Севу на этюды. Пусть приучается и к масляным краскам.

— Я ужасно боялась сначала переезжать так далеко, — сказала Ольга Сергеевна. — Мы с Севой жили в доме для военных, мой муж был летчиком-испытателем. Я ужасно боялась переезжать так далеко, когда получила ордер: мне казалось, что это чуть ли не в другом городе. И еще я ужасно боялась, какие будут соседи. Там, где я прежде жила, было много товарищей мужа, они мне всегда во всем помогали.

— Ну и как? — спросил Перфильев. — Теперь освоились?

— Теперь освоилась, — сказала она.

Много времени спустя, вспоминая, как они шли по набережной к метро, Перфильев старался вспомнить и то, о чем они говорили друг с другом, и ничего не мог вспомнить: может быть, они даже ни о чем не говорили, они просто шли рядом, смотрели на реку в огнях и слушали, как затихает весенний город...

В тот вечер, вернувшись домой, Перфильев сел за начатую утром иллюстрацию, но работа не ладилась. Сева иногда звонил к нему по телефону, а иногда и он, Перфильев, звал его прийти поработать вместе, если Сева уже приготовил уроки. Перфильев поднял трубку, набрал номер и услышал голос Ольги Сергеевны.

— Вы еще не спите? — спросил он. — Уже поздно, но просто захотелось сказать, что я вышел сейчас на балкон и почувствовал, как по полям движется весна. Она в эту пору всегда движется по ночам. Вот и все, что я хотел сказать вам. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответила она. — Спите спокойно, милый.

Она сказала это так, словно провела рукой по его щеке, и Перфильев, положив трубку, невольно ощупал щеку, еще хранившую след ее руки.

Ночью пошел дождь, это был первый весенний большой дождь, он шумел ровно, сильно, он был молодой и сильный и делал землю молодой и сильной; деревья, высаженные три недели назад, стали бородавчатыми от почек, газоны зеленовато дымились, это была еще не зелень, а лишь дыхание зелени, но все равно это была весна.

Кондуктора автобусов объявляли теперь сокращенно: «Строители!», когда подъезжали к остановке, на которой поджидали жители ближних домов; поджидал здесь автобуса и Левашов по утрам, и с некоторыми кондукторами он уже был знаком. На автобусе с этим номером было удобнее всего добираться до Арбата, и Елена Николаевна уже не раз отвозила матери испеченный пирог или просто ездила побыть с ней вдвоем, пока девочки были в школе.

— Я все-таки часто вспоминаю нашу старую квартиру, — сказала она мужу раз, — все-таки у нас с тобой было столько там хорошего... там родились обе наши девочки, ты только

вспомни. Поедем, Сашенька, посмотрим как-нибудь наш дом, повидаем старых соседей... наверно, не все еще переехали.

— Ладно, — согласился он. — Кстати, поснимаю там... я обещал девочкам снять старый тополь, они его никак не могут забыть; это смешно, конечно, но я понимаю их. Они ведь всегда играли под ним, а зимой обязательно лепили снежную бабу.

В воскресенье бабушка Стрельбищева взяла девочек к себе; Миша обещал им показать картинки в фильмоскопе, который купил ему отец, будет целое представление, придут и другие школьники из бригады озеленителей. А Елена Николаевна с мужем решили побывать в старом доме, где они прежде жили, а потом заехать к матери. У остановки автобуса они встретили художника Перфильева.

— Еду покупать краски, — сказал он. — Надо запасаться для летних этюдов.

Они проехали часть пути вместе, художник сошел у метро, а Левашевы поехали дальше. Удивительно, каким близким, хоть и постаревшим показалось все в знакомом переулке, — впрочем, может быть, это всегда бывает так, когда встречаешь через большой промежуток кого-то близкого и замечаешь морщинку на лице, которой прежде не было. Вот овощная палатка — так же лежат возле нее опрокинутые ивовые корзины; вот древний, как мир, айсор со своими щетками для чистки обуви, кремами в плоских жестянках и прядями свисающих над его головой обувных шнурков. Он оживает только весной, зимой его не бывает; но раз айсор сидит возле высокого стула, похожего на трон, над своей скамеечкой для чистки обуви, — значит, весна пришла, это как страница календаря. Вот и кирпичный забор, за которым их старый дом, со всем тем, что прошло в нем, молодым и хорошим, и пусть даже с плохим и неудачным — в этом чередовании ведь и состоит жизнь...

— Что это?— сказала вдруг Елена Николаевна испуганно.— Что это, Саша, боже мой!

— Фью, — свистнул Левашев, — проспали мы с тобой... уже снесли его, подумать только, как быстро теперь это делается.

Верхних четырех этажей дома, в котором они жили прежде, не было, остался лишь наполовину обрушенный первый этаж, похожий на классические руины, как их изображали на старинных гравюрах, груды кирпичей и штабеля бревен наката, еще не увезенных,— и это было так странно и непонятно, что даже нельзя было представить себе, как выглядел их дом. Но тополь стоял, он был цел, он наблюдал в течение восемнадцати лет их жизнь, он проводил их, когда они уехали на новые места, он встречал их теперь, когда они вернулись взглянуть на прошлое, был уже весь в мелкой, едва видной зелени, — он всегда опережал другие деревья и зацветал раньше их, тополь.

— Сниму развалины, — сказал Левашев, сдвигая фотоаппарат, висевший у него на груди. — Будем вспоминать, что осталось от нашей прежней жизни, и сравнивать... здорово все-таки все улучшилось!

Он снял развалины и тополь с разных точек, словно снимал его и анфас и в профиль.

— Мне почему-то грустно, Саша, — сказала Елена Николаевна, — почему-то очень грустно. Все наши соседи разъехались, теперь, наверно, их и не встретишь никогда. Ну, в самом деле, где в таком огромном городе встретишь? И дом наш почему-то жалко: пусть он был старый и плохой, но ведь в нем прошла бóльшая часть нашей жизни, самая молодая часть нашей жизни.

— Не жалей, Ленок, наша жизнь с нами, а не с этим домом... наверно, забыла, как нам было неудобно и тесно в нем. Привыкай к лучшему.

— Если не с чем будет сравнивать, не оценишь и лучшего, — сказала она. — Знаешь, я просто испугалась почему-то, когда увидела, что нашего дома уже нет.

— Разобьют, наверно, сквер на его месте,— сказал Левашев. — Теперь в Москве много разбивают скверов.

Они прошли на Арбат к матери, и Елена Николаевна была особенно нежна с матерью, держала все время в руке ее старую, в коричневых пятнах руку и по временам целовала ее.

— Я никуда не уехала, мама, — шепнула она, когда муж чем-то занялся в стороне, — я всегда с тобой, еще больше, еще крепче с тобой.

Когда на обратном пути они вышли из метро, чтобы пересесть в автобус, то неожиданно снова встретили художника Перфильева. В руках у него были большие свертки.

— Ну как, купили? — спросил Левашев.

— Да, накупил всего... еще для одного молодого художника купил целый ящик с красками, летом будет ездить со мной на этюды.

Елена Николаевна знала, кто этот молодой художник, — у любви крылья, у нее летучие семена, они быстро разносятся, чужое счастье всем видно, даже если его скрывают: оно видно в блеске глаз, в торопливой походке, даже в том, как человек, идя по двору, поднимает глаза и смотрит куда-то вверх, хотя там нет никого, нет и ничего, кроме окна, отражающего небо, но есть это окно, а с ним и целый мир...

ДЕТЯМ — БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО

Наш домашний театр

«Проба актеров». Режиссер — Анна Александровна.

В одном из писем-откликов на статью З. Александровой «Детям — большое искусство» домохозяйка из Москвы Р. Матвеева пишет: «Не только отдельные одаренные дети, но каждый ребенок должен расти чутким к красоте. И тут не все может сделать школа; необходимо участие самой широкой общественности и родителей!..»

Заменим ответ Р. Матвеевой и другим читателям, которых волнует вопрос об эстетическом воспитании детей, рассказом о домашнем театре. Место действия: город Ярцево, Кооперативная, 16.

— А как пишут пригласительные билеты?

— Я знаю! На моем елочном билете было так: уважаемый товарищ! Приглашаем вас...

— Нет! Надо писать просто: приходи в семь часов и приноси с собой стул!

Ребята усаживаются за один стол, делят между собой листки бумаги в косую линейку, и скоро вырастает кипа приглашений. Вдруг самый маленький, вихрастый Витюша, весь осыпанный веснушками, который ничего не пишет, потому что еще не умеет писать, заявляет:

— Неправильно. Без подписи будет неправильно! Нужна подпись!..

Ребята задумываются. Действительно, на всех приглашениях всегда бывают подписи: Дирекция или как-нибудь еще. Например, Местком...

— Может быть, подпишемся так,— говорит девочка с длинными косичками (она самая старшая среди ребят, учится в шестом классе; в Доме пионеров про Зину говорят, что она давно уже может быть инструктором по пионерской работе),— подпишемся так: «Ребята с нашего двора»?..

— Нет,— заявляет другая.— Надо по-другому: «Ребята из нашего дома».

И наконец, после долгих споров, подписывают: «Наш домашний театр».

Анна Александровна Белоусова всегда торопилась с работы домой, хотя была уверена: ничего плохого случиться не может, не такие у нее ребята, чтобы наделать какихнибудь бед. И все-таки каждый раз дома ее ждало что-нибудь неожиданное. Самый младший, Витюша, обычно встречал Анну Александровну уже на пороге вопросами, которые мучили его целый день, пока она была на работе: кто такая царевна Несмеяна? Чем затмевается солнце, когда бывает солнечное затмение? Что главнее — ракета или спутник?..

Анна Александровна, отвечая Витюше, открывала дверь в комнату. Так и есть: на стуле валяется Ирочкина школьная форма; юбка разорвана. На столе раскрыта тетрадь Игоря, а задачка не решена, видно, между первым и вторым вопросом что-то случилось: ребята позвали играть в футбол или сам решил отправиться на последний детский сеанс в кино...

А ведь у Игоря тройки. За последнее время совсем избегался, целый день во дворе. Слишком много времени дети предоставлены сами себе: бабушка, Александра Марковна, тоже работает.

Вспоминаются Анне Александровне слова одной работницы с комбината: «Мой — отпетый. На улице рос, что с него возьмешь? Уличный и есть».

Обидно и оскорбительно звучало это слово — «уличный». Кажется, давно должно оно было уйти в прошлое. А вот ведь все еще живет... И Анна Александровна думала: никогда она не допустит, чтобы ее детей коснулось это слово своим грубым, оскорбительным смыслом, никогда!.. Двигаясь по кухне, погромыхивая кастрюльками, оклинала

— Я тоже собираюсь летом поездить, — сказал Левашев. — Хочу осенью кое-что выставить на фотовыставке. Между прочим, возле нас открылось два новых магазина — «Цветы» и «Оптика».

— Не видал еще, — сказал художник. — В каком месте?

— Около почтового отделения, за углом от него.

Они сели в подъехавший автобус, и широкая улица понеслась навстречу, словно не они ехали по ней, а она спешила к ним...

— «Строители»! — объявил кондуктор.

Левашев сошел первым и помог сойти жене.

— Вы куда же? — спросил он, когда художник снял шляпу, прощаясь.

— Хочу отправить заказное письмо.

Левашевы пошли к дому, а Перфильев — в сторону почтового отделения. Но он не зашел туда, а обогнул дом. Магазины «Цветы» и «Оптика» были рядом, совсем без посетителей: видимо, о них еще не знали. Перфильев вошел в цветочный магазин и спросил какие-нибудь срезанные цветы; но срезанных цветов не было, стояли только в горшках синие и белые с розовой каемкой цинерарии.

— Срежьте, пожалуйста, — попросил он продавщицу, — срежьте из нескольких горшков.

Букет получился не очень пышный, но все же это были цветы с их запахом живой жизни. Он расплатился, сунул завернутые цветы под отворот пальто и пошел к дому.

— Зайди-ка ко мне, Сева, — сказал он в телефон.

Он вышел на балкон и увидел вскоре торопившегося к нему мальчика.

— Вот тебе ящик с красками, — сказал он, когда тот поднялся. — Считай это за первомайский подарок. Летом на этюдах тебе здорово пригодятся. А это отдай маме, — добавил он, как бы вспомнив, — купил по дороге.

Мальчик взял краски и цветы и посмотрел на него так, что Перфильев сказал только:

— Ладно, ладно. Когда сделаю из тебя художника, тогда будешь благодарить.

Потом он снова вышел на балкон и посмотрел на удаляющуюся фигурку.

— А теперь, — сказал он вслух, — теперь за работу, Кирилл Алексеевич.

Он рисовал и прислушивался, но телефон не звонил: наверно, опять где-нибудь совещание, и льются речи, которые нужно записать; стенография — такое дело, она призвана задержать несущееся время, но время все-таки несется, и его не удержишь. Оно несется, время, и вот началась новая жизнь в новом доме, со всеми радостями, обещаниями, удачами и неудачами, с любовью ясной, как утреннее небо, и чистой, как утреннее небо, если это небо даже когда-нибудь и омрачается, — что ж, печаль в конечном итоге рождает новую радость, и это без конца, это всегда...

Вот уже все окна светятся по вечерам в Проезде строителей, и над полями чернеют подъемные краны, которые подвезли незаметно, и это уже не поля, а отведенные строительные площадки. Прекрасно это движение жизни с ее неостывающими радостями и с ее остывающими в конце концов печалями... Перфильев думал так в ночной тишине, то остро затачивая карандаш, то возвращаясь к рисунку, — он ничего не видел вокруг и только думал наедине с собой. Он не видел, как на одном из балконов появилась фигура женщины с веточкой цинерарии в руке и как, нюхая по временам эту веточку, которая ничем не пахла, кроме живой жизни, женщина смотрела куда-то мимо, в глубину Проезда строителей, еще недавно не имевшего никакого названия, а теперь ставшего улицей ее, Ольги Сергеевны Толиверовой, судьбы. Он не слышал, Перфильев, да и не мог услышать, как Елена Николаевна Левашева, сидя возле постелей уже готовых ко сну девочек, говорила им: «Наш старый дом уже снесли, там ничего больше нет, но тополь стоит, он просто обрадовался, когда мы снова увиделись с ним, он захотел узнать про вас». «Что он хотел узнать про нас?» — спросила Юля сонно. «Он хотел узнать, как вы учитесь, с кем дружите и не забыли ли вы его». «Не забыли», — сказала Юля, и Женя тоже сказала: «Не забыли». «Ну, и пожелал вам счастья в новом доме... очень много счастья пожелал он вам». «А тебе?» — спросила Юля сонно. «Ну, и мне, конечно... ведь если он вам пожелал счастья, это значит, что он и мне пожелал его».

Он ничего этого не видел и не слышал, художник Перфильев. Он просто рисовал, чинил по временам карандаш и насвистывал. Он не видел даже, что над Проездом строителей уже ранний весенний рассвет, такой тонкий и зыбкий, будто его переносит с места на место, но он от этого еще больше голубеет, становится перламутровым и разгорается.

Витюшу и начинала подробно рассказывать ему про затмение солнца, про спутники и ракеты...

Но иногда первые минуты возвращения домой бывали и другими — неожиданно радостными. Откроет Анна Александровна дверь своей комнаты и ахнет: от одной стены до другой развешаны нитки с разноцветными флажками. Лица и руки детей перепачканы красками, в комнате на столе и в раковине на кухне — повсюду краски. «Что это вы еще придумали?» — изумится мать. А дети, в свою очередь, удивляются: «Мамочка, да разве ты забыла: послезавтра бабушкин день рождения!..»

Дети любили устраивать торжества. В предпраздничные дни квартира превращалась в мастерскую. Придумывались и шились какие-то костюмы, изобретались подарки.

Анне Александровне нравилась эта черточка в ее детях. Она не знала, как определить эту черточку, как ее назвать... Чутье к красоте... Это были, может быть, слишком книжные какие-то слова. Но все равно в чем-то они были правильными, и Анна Александровна, как могла, старалась развить эту черточку в своих детях. Покупала им краски, альбомы. Позволила Ирочке и Вите заниматься в Доме пионеров в танцевальном кружке, хотя дочка еще не пионерка, а Витя даже еще не ходит в школу... И все-таки ей казалось, что этого мало.

И вот однажды под Новый год... Все как раз и началось с этого вечера под Новый год! Собрались у Белоусовых ребята чуть не со всего двора. Началось веселье. Игорь нарядился паяцем, дико хохотал и кувыркался через голову. Витюша заявил, что хочет быть негром, потому что умеет танцевать по-негритянски! А потом и публика и зрители — все смешалось. Гости — Валерик Андронов и Витя Петров — сбегали домой, принесли баяны (они оба учились в музыкальной школе по классу баяна). Зина Кудлачова и Люба Паничева стали показывать акробатические этюды. И, конечно, все танцевали и пели...

Вот тут-то и возникла у Анны Александровны мысль организовать домашний театр. Участвовать в нем будут все ребята со двора! Подумать только, как много изменится у них во дворе, как много изменится вообще в жизни ребятишек, если у них будет свой театр!

Анна Александровна увлеклась этой мыслью. Сама стала сочинять пьесу по русской сказке о репке. За полночь сидела над костюмами, которые шились из старых, ненужных вещей. Всю жизнь она сама участвовала в драматических кружках: репетировала, учила роли, волновалась перед спектаклем.

Увлечение Анны Александровны быстро передалось ребятам. Они тоже готовы были на любой труд, на любую «жертву». Собралась было Анна Александровна купить сыну праздничные ботинки, вдруг видит в магазине ситец — точно такой, какой им нужен для занавеса. А без занавеса нельзя! Какой это театр без занавеса?!. И Витюша с полной готовностью уговаривает мать: «Да что ты, мамочка, я и в этих похожу, они ведь еще совсем хорошие!»

Во время репетиций дети подружились, узнали друг о друге много нового. И Анна Александровна заметила: ребята стали иначе относиться друг к другу. Сначала ей показалось, что они просто важничают. А потом поняла: не то! Пожалуй, это можно было бы назвать гордостью. И, верно, им было чем гордиться: они теперь не просто соседи — они артисты!

Конечно, в их отношении к театру было много наивного. Но то, что они почувствовали себя артистами, это не забудется, понимала мать. Чувство творческой радости всегда останется с ними. Им и после не будет чуждо все, что связано с прекрасным. Они не смогут быть равнодушными к искусству, которое сделает их богаче.

Во всяком случае, Анна Александровна радовалась, когда видела, как волнуются ребята, вместе раскрашивая домик — тот самый домик, в котором на сцене должны были жить бабка и дедка. Они торопили друг друга, взлохмаченные, перемазанные (уже зрители приходят, а домик не готов!). Или когда носились по коридору с горящими от счастья глазами перед выходом на сцену, что-то переделывая в своих костюмах. В эти минуты Анна Александровна тоже бывает счастлива.

...Прыгают во дворе девочки через скакалочку. Малыши возятся в песке. Катит на велосипеде мальчишка, преследуемый по пятам целой свитой болельщиков... И вдруг все во дворе приостанавливается. В руках всех ребят маленькие листочки из тетради в косую линейку.

— Ура! Пригласительный билет!

— Куда пригласительный?..

— Ну вот, не знаешь, что ли! В Наш театр, к тете Ане...

...Подумайте, скажите сами, разве то, что сделала простая, скромная женщина, лаборантка Ярцевского хлопчатобумажного комбината Анна Александровна Белоусова, так необыкновенно и исключительно?..

Л. ОСИПОВА

→ Театральный разъезд.

Фото Г. Санько.

ПОДВИГ РУССКОЙ КРИТИКИ

Б. РЮРИКОВ

Осенью 1834 года литератор И. И. Панаев просматривал в кондитерской Вульфа на Невском проспекте, в которой получались все русские газеты, московскую газету «Молва». Его внимание привлекла принадлежавшая перу В. Белинского статья «Литературные мечтания»: новый, смелый, свежий дух повеял с газетных страниц.

«Начало этой статьи привело меня в такой восторг, что я охотно бы тотчас поскакал в Москву, если бы это было можно, познакомиться с автором ее и прочесть поскорее ее продолжение,— вспоминал Панаев.— ...Как ничтожны и жалки казались мне после этой горячей и смелой статьи пошлые, рутинные критические статейки о литературе, появлявшиеся в московских и петербургских журналах».

На небе русской литературы взошла новая звезда. Ее заметил Пушкин, ее приветствовали все свободолюбивые умы. Не поэт, не романист, а критик и публицист стал скоро властителем дум передовой части общества. Статьи Белинского, в которых смело, убежденно, талантливо, с огромной силой мысли и чувства говорилось о жизни общества, оценивались новые явления литературы, отечественной и зарубежной, развенчивались фальшивые, казенные авторитеты и определялось значение подлинно прогрессивных произведений, становились событием в духовной жизни. На них сразу обрушились староверы, защитники косных, отживших начал, но как воодушевляли эти статьи тех, кто стремился к освобождению и счастью народа! Это был могучий порыв ветра, порыв, уносящий старые представления, изжившие себя верования, порыв, приносивший новые идеи, освежавший и бодрящий честных и преданных своему народу людей.

Белинский жил и творил в тяжелое для русского общества время, когда, по словам Некрасова, «все глухо и мертво в литературе нашей было». Густой мрак николаевской реакции опустился на страну после разгрома восстания декабристов. Крепостники понимали: недовольство в стране пустило такие глубокие корни, что нарастает угроза самому существованию феодально-самодержавной системы. Лучшие люди были на каторге, в тюрьмах, в ссылке. Царизм безжалостно подавлял всякую свежую мысль, преследовал просвещение, душил честное, правдивое, непродажное слово.

Все своеобразное, талантливое, самобытное бралось под подозрение: не грозило ли оно нарушить порядок,— а порядком считалась безжизненность и молчание.

Известный историк С. М. Соловьев рассказывал в своих воспоминаниях, как в одном из военных училищ директор представил Николаю I воспитанника, проявлявшего необыкновенные способности, следившего за современными военными событиями и верно предсказывавшего их развитие.

«Что же отвечает император? Радуется, осыпает ласками даровитого молодого человека, будущего слугу отечества? Нисколько: нахмурившись, отвечает Николай: «Мне таких не нужно, без него есть кому думать и заниматься этим, мне нужны вот какие!» С этими словами он берет за руку и выдвигает из толпы дюжего малого, огромный кус мяса, без всякой жизни и мысли на лице и последнего по успехам»...

Подавленность и безмыслие считались надежными условиями того, что люди не будут ни искать нового, ни бунтовать... В условиях, когда процветали льстецы, казенные лжепатриоты, гонители передовых идей, когда печать и литература испытывали тягостное давление жандармского сапога, деятельность критика и публициста, посвятившего себя служению народу, борьбе за его освобождение, была каждодневным подвигом, требующим огромного мужества, ясности ума, революционной последовательности.

Белинский был великим критиком. Но это была критика особого рода. Он жил всей жизнью своего времени. Глубокий и блистательный анализ литературных произведений был неотделим от рассмотрения коренных вопросов общественного развития, самых животрепещущих политических, исторических, философских вопросов. В условиях, когда в России невозможно было открыто обсуждать судьбы страны, положение народа и перспективы его освобождения, Белинский смело рассматривал в демократическом и гуманистическом духе проблемы современности на материалах литературы. Критика его была одновременно и философской, и исторической, и эстетической — она была многогранным выражением народной мысли.

Тургенев назвал Белинского центральной натурой сороковых годов. Он действительно был центральной фигурой своей эпохи, он выражал ее потребности, глубокие освободительные стремления народных масс.

Путь идейного развития Белинского был сложен и противоречив. Были у великого критика тяжкие заблуждения, увлечения ложными теориями, такими, как идеалистическая концепция «разумной действительности». Но главное в том, что он шел от идеализма, от абстрактного гуманизма и просветительства к материализму, к революционным демократическим взглядам.

Белинский стоял у истоков нового течения освободительной мысли. Он представлял более ранний, начальный период развития могучего разночинского, революционно-демократического движения. В. И. Ленин глубоко и точно определил историческое значение Белинского, указав, что знаменитое «Письмо к Гоголю» отражало настроения крепостного крестьянства. Ленин назвал великого критика предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении, предшественником русской социал-демократии.

Передовые люди России страстно искали правильную революционную теорию, способную дать верное направление в освободительной борьбе. Белинский, Герцен, а позднее Чернышевский, Добролюбов, революционеры 70-х годов разрабатывали революционную идеологию и вооружали ею прогрессивные силы общества.

В эпоху Белинского все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом. В борьбе поднялась, выросла, окрепла титаническая фигура Белинского — вождя новых революционных сил, мыслителя, публициста, критика.

Герцен писал, что в этом застенчивом человеке, в этом хилом теле жила натура гладиатора. В минуты схваток с противниками он был особенно велик и страшен... «..когда касались до его дорогих убеждений... тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль».

Вся жизнь его была непрерывной схваткой с доносчиками и цензорами, открытыми и прикрытыми мракобесами, защитниками самодержавия и забывшими отчизну космополитами— где взял он силы для такого подвига?

Бросив суровые упреки Гоголю за письма, проникнутые духом примирения с миром косности, великий критик восклицал: «Тут дело идет не о моей или Вашей личности, а о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и Вас: тут дело идет об истине, о русском обществе, о России».

Мысль о родине, о народе умножала энергию, укрепляла стойкость, давала новые силы. Он хотел видеть свой народ счастливым, чтобы благоденствие равно распространялось на всех людей, чтобы не было ни угнетателей, ни угнетенных. Идея социализма, писал Белинский, «стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса».

Не зная ни подлинных путей к установлению социализма, ни реальных сил, способных возглавить борьбу за новый общественный строй, Белинский остался утопическим социалистом. Но он был одним из создателей того своеобразного типа социализма, что сложился в России. Русские революционные демократы поднялись над иллюзиями утопических социалистов Запада и отрицали идеи «всеобщей гармонии», «примирения» классов, которые так ограничивали мысль Оуэна, Фурье и других западных мыслителей.

Белинский искал теорию, которая давала бы научное обоснование уничтожению феодально-крепостнического общества и замены его новым, демократическим. С высоты этой революционной позиции он рассматривал задачи литературы и искусства. Он отверг эгоистическое, аристократическое искусство, разоблачил несостоятельность теории «искусства для искусства»: народ рвался к свободе, боролся за улучшение своей жизни, он стремился к знаниям, к литературе,— и принцип народности искусства, развиваемый великим критиком, был важнейшей составной частью его революционных, освободительных взглядов. Народность он видел прежде всего в правдивом отражении действительности, в выражении важнейших, прогрессивных чаяний и стремлений масс, а также в критике, развенча-

ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ

К 150-летию со дня рождения

Портрет работы **К. Горбунова.**

«Огонек» 1961.

На обороте: **Рисунок Б. Лебедева** — В. Г. Белинский в Петербурге. 1847 год.

Б. Лебедев. В. Г. Белинский и М. Ю. Лермонтов.

В редакции журнала «Современник» И. И. Панаев, В. Г. Белинский и Н. А. Некрасов.

нии всего отсталого и реакционного, что любит прикрываться фальшивой маской «народности». В борьбе вокруг понятия народности столкнулись старое и новое, и великий мыслитель-диалектик всю силу ума и таланта посвятил отстаиванию идей подлинной народности, подлинного, боевого патриотизма.

Белинский возвел критику в ранг огромного общественного, народного дела, придал ей небывалое значение и авторитет. Критика его была основана на самых передовых для своего времени общественных и эстетических идеях — в этом ее сила.

Назначение искусства — глубоко раскрыть жизнь общества и человека, показать реальную действительность в жизни и движении как «мир непрерывной работы, нескончаемого делания и становления, мир вечной борьбы будущего с прошедшим». Критик звал литераторов к смелому, правдивому изображению современности, и многие призывы его полезно и сейчас напоминать тем, кто считает возможным со стороны наблюдать исторические свершения нашей эпохи.

Литература несет народу высокие и светлые идеалы, но идеалы эти не произвольная фантазия, не мечта, не механический слепок с действительности — это выражение самых важных, определяющих тенденций действительности. Критик не уставал твердить, что обществу требуется суровая правда, а не сладкие умилительные сказочки. Он высмеивал идеалистов, которые не считаются с действительностью и свои карточные домики принимают за рыцарские замки. Наш идеал не в прошедшем, а в будущем на основании настоящего, писал великий критик. Идеалы передовой русской литературы были выводом из действительности, из той суровой, правдивой, честной картины жизни, которую создала литература. Язвительно высмеивая напыщенные, мелодраматические персонажи произведений лжеромантиков, Белинский придавал огромное значение изображению характеров, воплощающих лучшие, положительные начала русской жизни. Он высоко ценил отрицание старого в образах Онегина, Печорина, Бельтова; он дал вдохновенный анализ типа русской женщины — Татьяны; он призвал к изображению людей из народа, радуясь удачам Тургенева, Некрасова.

Белинский обобщил весь опыт русской литературы своей эпохи — опыт Пушкина, Грибоедова, Крылова, Гоголя, Лермонтова — и создал свою теорию реализма, в которой требования народности, гуманизма, идейности, правдивости, высокой художественности слились в единый драгоценный сплав. Для своего времени это была самая передовая эстетическая теория — и не только для России.

Обоснованием роли литературы в общественной жизни, развитием принципов реализма Белинский ответил на коренные общественные, идейные потребности своего времени и своей страны.

Блестящий мастер полемики, он умел парировать выпады противника и наносить сокрушительные ответные удары. Когда Булгарин высокомерно назвал школу Гоголя натуральной, думая унизить ее этим термином, Белинский тут же повернул слова противника против него же самого. Школу Гоголя, язвительно писал критик, «...Булгарин очень основательно прозвал **новою натуральною школою**, в отличие от **старой реторической**, или **не натуральной**, т. е. **искусственной**, другими словами — **ложной школы**».

Для реакционных жрецов «чистого искусства» обращение к действительности, к повседневным отношениям с их противоречиями было чуть ли не нарушением «вечных законов» искусства. Но на деле именно передовая реалистическая школа дала великолепные образцы вдохновенного художественного творчества. Белинский был воплощением требовательности, строгим и нелицеприятным ценителем произведений искусства. Положения великого критика о типическом, о способах раскрытия характера, его исследования образов поэтов разных школ, его анализ действия в «Ревизоре» или «Герое нашего времени» — это изумительная, до сих пор непревзойденная школа художественного мастерства!

* * *

Со дня смерти критика не прекращалась борьба прогрессивных сил против идеологов реакции за его наследие. К каким только уловкам не прибегал противник! Великого критика изображали интеллигентом, начитавшимся иностранных книжек, оторвавшимся от «стихии» народной жизни и потому дошедшим до «бунтарства». О нем писали как о человеке «великого сердца», вся деятельность которого определяется эмоциональными порывами,— а следовательно, о сознательности его убеждений нечего и говорить. Его представляли то сторонником классовой гармонии, философского позитивизма, то западником либеральной складки, то сторонником чуть ли не религиозных взглядов. До сих пор за рубежом выходят книги, печатаются статьи, искажающие подлинный облик великого критика. Но все это как нельзя убедительнее свидетельствует о том, что настоящий Белинский, революционный демократ, материалист, гуманист, страстный борец за передовое, реалистическое искусство, русский патриот в самом благородном значении этого слова, остается опасным для мракобесов, реакционеров в общественной жизни и искусстве, врагов прогресса.

После смерти Белинского Некрасов посвятил его памяти такие строки:

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как все коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

В мрачную эпоху безвременья ренегатствующие публицисты в сборнике «Вехи» обрушились на традиции народности в русской литературе, обвиняя ее в «народопоклонстве». Нападая на идеалы служения народу, реакционеры пытались развенчать и великого борца за эти идеалы.

Советские люди, отмечая 150-летие со дня рождения В. Г. Белинского, особенно отчетливо сознают, как близки им высокие идеалы, самоотверженная деятельность, неумирающие творения великого критика.

В период развернутого строительства коммунизма народ повышает требования к искусству и литературе. Советские люди хотят видеть свое искусство богатым и многогранным, широко и ярко отображающим нашу сложную и прекрасную эпоху, человека эпохи борьбы за коммунизм. Почетны и задачи критики, о них последовательно напоминает Коммунистическая партия. Н. С. Хрущев в своих выступлениях «К новым успехам литературы и искусства» подчеркнул ответственность критики, активно участвующей в создании новых великих художественных ценностей, значение таких ее черт, как принципиальность, требовательность, объективность, доброжелательность и заботливость в отношении к деятелям искусства и литературы.

Научный коммунизм опирается на все завоевания человеческого гения, на все достижения ума и труда человека. Вдохновенное творчество Белинского — плод его великого подвига во имя русского народа и всего человечества — входит как драгоценная часть в сокровищницу культуры нового, социалистического мира.

ТРУДНЫЙ УДЕЛ

Удел писателя — книга. Именно на ней он может поставить свой автограф: такому-то на память от автора. Не у всех писателей и поэтов были при жизни отдельные книги их сочинений. Далеко не надо ходить — создатель бессмертной комедии «Горе от ума» Грибоедов не мог поставить автографа на отдельном издании своего творения. Отдельной книгой оно появилось только после смерти автора — в 1833 году. Ни одной своей книги вообще не увидел при жизни замечательный поэт Веневитинов.

Однако это все-таки исключение. Надписать свои книги могли и Пушкин, и Гоголь, и Лев Толстой, и Лермонтов, и, уж конечно, более поздние классики — Горький, Маяковский.

Другое положение у критиков. Обычной трибуной их выступлений служат журналы или газеты. Отдельная книга у них бывает лишь в весьма редких случаях.

Не было ни одной книги у Добролюбова. Первое собрание его статей в четырех томах вышло в 1862 году, после смерти критика.

А какие же собственные книги увидел при жизни Белинский? Всего две: «Основания русской грамматики, для первоначального обучения» — труд молодого автора, напечатанный им в Москве в 1837 году в количестве 2 430 экземпляров, и брошюра «Николай Алексеевич Полевой», изданная тоже самим Белинским в Петербурге в 1846 году. Работа об издателе «Московского телеграфа» Н. А. Полевом была написана вначале для журнала «Отечественные записки» А. Краевского.

Обе прижизненные книги Белинского — и «Основания грамматики» и брошюра о Полевом — крайне редки, так как мало кем сохранялись.

Да, основной удел критика — журнальная или газетная статья. Но журнально-газетная трибуна всегда была под особым оком цензуры, гораздо более бдительным, не как иная отдельная книга писателя или поэта. Да и редакторы журналов и газет порой, охраняя собственное спокойствие, новерхали статьи своих сотрудников.

Немало пострадал от этого Белинский. Чрезвычайно характерна одна современная ему карикатура, рисованная художником Н. Степановым, одним из будущих издателей сатирического журнала «Искра» (1859).

Карикатура изображает Белинского с собственной статьей в руках. Заглавие — «Типографские превращения», внизу подпись: «...Своей собственной статьи не узнаю в печати!». Можно понять, что в изуродовании статей критика якобы виновата типография, но, разумеется, это всего-навсего маскировка перед цензурой.

Маскировка эта не помогла, хотя карикатура и была напечатана в «Иллюстрированном альманахе, изданном И. Панаевым и Н. Некрасовым», в Петербурге в 1848 году.

Альманах после цензурного разрешения был полностью отпечатан, но в момент выхода в свет арестован и запрещен.

В постановлении об аресте называлась повесть Панаевой-Головачевой «Семейство Тальниковых» и кое-какие другие материалы. Особую ярость цензуры вызвали приложенные к альманаху карикатуры. «Они,— по словам цензоров,— не должны быть допускаемы ни в коем случае. Пущенные в ход карикатуры не остановятся на одних литераторах и артистах. Любители изданий такого рода захотят потом выводить в них и администраторов».

Тираж альманаха (обошедшийся Некрасову в четыре тысячи рублей) был увязан в пачки и свален в несброшюрованном виде на чердаке его дома. Когда лет через десять хозяева хватились альманаха, оказалось, что он почти весь сожжен в печке. Некоторую часть разворовал служащий Некрасова, продававший альманах любителям. Так как он, повторяю, сброшюрован не был, то многие сохранившиеся экземпляры неполны. В целом виде, со всеми карикатурами, альманах — большая библиографическая редкость, известная всего в нескольких экземплярах.

В альманахе карикатуры на Булгарина, Каратыгина, Краевского, Кукольника, Некрасова и Панаева, композитора Даргомыжского. Среди художников, авторов карикатур,— имена Агина, Федотова, Степанова. Особенно любопытна сейчас карикатура на Белинского, которую мы воспроизводим.

Ник. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

Студентки Института стали и аспиранты Института усовершенствования врачей беседуют о фильме.

— Сам прошел всю войну, сам был летчиком-истребителем! — говорит М. С. Фатеев.

Чтобы на всю жизнь...

Зрители о кинофильме «Чистое небо»

Мы подошли к кинотеатру «Ударник», где проходила премьера «Чистого неба».

По лицам зрителей, выходящих из кинотеатра, всегда можно догадаться, хороший фильм показывали или... средний. На этот раз мы увидели, что многие, жестикулируя, спорят, другие идут молча, погруженные в свои мысли. Не было на лицах только одного выражения — скуки.

— Мне очень понравился фильм! — говорит аспирантка Центрального института усовершенствования врачей В. А. Ракова.— Надо бы вот сейчас спешить на занятия, а я так взволнована...

— Я сам прошел всю войну,— вступает в беседу высокий человек,— был летчиком-истребителем. Но, кажется, не только я, многие зрители почувствовали, что это о них рассказано. Нужно представиться? Пожалуйста. Фатеев, водитель троллейбуса.

— Рядом со мной в зале,— продолжает аспирантка В. А. Ракова,— сидела незнакомая женщина. После одного эпизода она тихо проговорила: «Какой ужас!» И не тогда, когда по радио сообщают о гибели Астахова. Не тогда, когда эшелон мчится на фронт мимо женщин, собравшихся на перроне... А когда в партноме безликий человек объясняет Саше, что она не может, не должна верить своему мужу.

Е. Г. Эстулина и С. С. Рыжак, студентки московского Института стали, сообщили, что у них о картине особое мнение. Нет, они согласны с тем, что картина хорошо сделана, она и на них произвела большое впечатление. Но жаль, что мало в ней о нынешнем сказано! А настоящая смелость — это когда художник в сегодняшний день вторгается. Есть в картине такой эпизод: Астахов спорит с Сережей, братом Саши Львовой. «У тебя нет идеалов, и вообще неизвестно, для чего ты живешь»,— говорит Астахов Сереже. А тот иронически бросает Астахову и Саше: «Эх вы, правдолюбы!» Значит, не переубедил Сережу Астахов! Как же так, ведь Сережа хороший парень, а в правдолюбов не верит? Было бы по-настоящему смело, если бы Чухрай продолжил разговор о молодежи, продолжил глубоко, без недомолвок.

— Нет, и за то, что сделано, спасибо!— говорит В. И. Хардин.— Я в Москву приехал в отпуск. Сам работаю в Ленинграде машинистом крана на Металлическом заводе. Решил посмотреть «Чистое небо». И думаю, что Чухрай владеет кистью художника.

— Это верно. Чувствуется, что картина мастером сделана,— вступает в беседу инженер С. А. Макарьин (он тоже не москвич, приехал в командировку из города Углича).— Честно говоря, в кино я хожу не так часто, как хочется,— не потому, что слишком занят или кино не люблю. А просто, когда посмотришь плохой фильм, на душе скверно делается: расстроишься, и в другой раз уже не тянет. А чухраевские фильмы я все знаю. И просто удивительно: артистов, что ли, он умеет подбирать или работает с ними много, но как они играют в его фильмах! Я на всю жизнь запомню Марютку из «Сорок первого», Алешу из «Баллады о солдате», Астахова и Сашу из «Чистого неба»... Дробышева играет сначала наивного ребенка, непосредственную девчушку, а потом мужественную, сильную женщину. Так и задумано это было, так и должна она была по сценарию сыграть. Но посмотрите, как блестяще решает это актриса во всех сценах... Хороший фильм! После такого вот и начинаешь любить кино. Фильм возвеличивает веру в человека, веру в партию. И ждешь новых картин, таких же, чтобы не просто запоминались, а чтобы на всю жизнь!..

О ФЕДОРОВА,
Р. ЛИХАЧ

Имя его, словно факел, светит

Паровозик тащит небольшой сборный состав. С фронта возвращается в Самарканд «Передвижная драматическая труппа».

— В этом фильме,— комментирует происходящее на экране голос за кадром,— мы перелистаем лишь несколько страниц жизни замечательного сына узбекского народа, основоположника литературы, музыки и театра Советского Узбекистана Хамзы Хаким-заде Ниязи.

Сложную задачу поставил перед собой коллектив фильма «Хамза», работавший на киностудии «Узбекфильм». Трудно выбрать отдельные страницы из жизни, каждая страница которой — подвиг.

Еще в юности молодой поэт начал борьбу за счастье народа, и борьба эта стала делом всей его жизни. Хамза создал в республике первый театр и первый колхоз; под влиянием Хамзы была сброшена первая паранджа, и по его настоянию был заключен первый брак без муллы.

Хамза — А. Ходжаев, Алиджан — К. Абдураимов.

Создавать художественно-биографический фильм всегда трудно. Здесь нет проторенной дорожки. Нам кажется, что авторы сценария К. Яшен и С. Мухамедов и режиссер З. Сабитов с честью преодолели трудности жанра.

В фильме много эпизодов, внешне не связанных с главным героем, но внутренний пафос каждого кадра — это пафос жизни самого Хамзы. Рассказ о трагической судьбе актрисы Зульфии, роль которой проникновенно играет Т. Кокова, образы русского коммуниста Алексея Андреева (К. Михайлов) и других друзей героя — все это дополняет характеристику Хамзы.

Зритель не сразу принимает исполнителя роли Хамзы А. Ходжаева. Он мало похож на знакомые портреты героя. Но об этом очень быстро забываешь, так как актер передал главное в образе поэта.

В финале фильма, когда шейхи и муллы зверски расправляются с поэтом, за кадром звучат стихи:

Когда умолкает голос поэта,
Любая, рожденная сердцем
строка
Зовет вперед!
Словно факел светит!
И песни его будут жить
в веках!

Это стихи Хамзы — поэта и борца. И это слова народа над могилой своего поэта.

К. КАМИЛОВ

Ираклий АНДРОНИКОВ

Когда прошел слух, что Вахтанг Чабукиани собрался ставить балет по мотивам лермонтовского «Демона», некоторые встретили эту новость с недоумением:

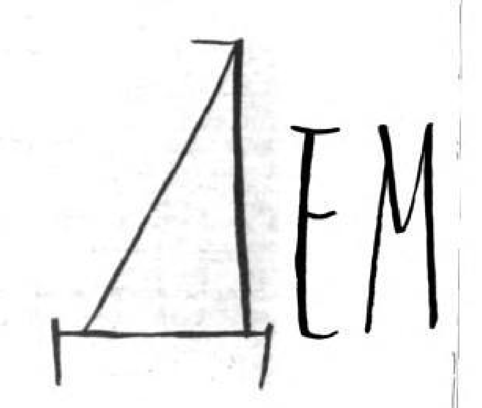
— «Демона»? После «Отелло»? Что он нашел в нем? Одно дело — трагедия Шекспира, где зритель захвачен острой интригой, следит за раскрытием могучих характеров. Другое — лермонтовская поэма: фабулы, можно сказать, никакой — увидел, полюбил, смутил душу — и навсегда потерял. И все! А как передать философское содержание поэмы?.. Как выразить в танце демонический вызов небу, бессмертную мысль Демона, его сомнения, его отрицание божественного порядка, являющее собою высшее выражение свободы?!

На эти недоумения нетрудно было ответить в том смысле, что если бы каждый знал, как осуществить замысел Вахтанга Чабукиани, то количество новых Чабукиани определялось бы многозначным числом. Но, всерьез говоря, сомнений в успехе не было и быть не могло, поскольку речь шла о замечательном балетмейстере нашего времени, пролагателе новых путей в искусстве балета. Правда, тот, кто ждал второго «Отелло», так и не дождался его, а увидел совершенно иное: не столкновение шекспировских характеров и страстей в трагическом их развитии, а романтическую танцевальную поэму о существе, осужденном на вечное одиночество...

Чем дальше развивается новый спектакль, задуманный и сочиненный Вахтангом Чабукиани и поставленный им на сцене Тбилисского театра оперы и балета, спектакль, в котором он сам танцует партию Демона, тем более ясно становится, что хореографические монологи изгнанника рая не только понятны, но увлекательны, что они исходят из лермонтовского стиха, передают пафос лермонтовской поэмы. Но лучше рассказать по порядку...

Плывут и свиваются темные туманы, обнажая могучие утесы, полное мрака ущелье и льдистые вершины вдали, на которых гаснут последние краски заката. Словно вписанный в эти дикие скалы, застыл на одной из вершин спустившийся с неба Демон, — мы верим в это, видя его чешуйчатое черное оперение, непреклонный взгляд, сатанинскую улыбку, искривляющую страдальческие уста...

Верхи Кавказа померкли. К реке спускается девушка. Это Тамара. Демон видит ее...

На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук...

Прорываясь сквозь волны туманов, он возникает перед нами в непостижимом порыве, прекрасный со своим обнаженным торсом, заломленными руками, окрыленный струей черного ветра. Тамара не видит его, только ощущает с тревогой чей-то взгляд, чью-то могучую волю. Стремительно проносится Демон над сценой. Глядя на вихреобразные движения Чабукиани, на каждый мощный его прыжок, стремительный бег под экстатический вопль оркестра, вы воспринимаете их как полет... Демон исчез — и вдруг возник где-то высоко на скале, вырванный из тьмы призрачным светом. И снова он здесь, одинокий и вечный, бесприютный, мятущийся, скорбный, полный мести и злобы, безграничный властелин царства свободы... Да, это именно так. Все это сказано в танце Чабукиани!

Пропустим сцену, в которой великолепный жених и его свита танцуют, сражаются и погибают. Это стремительно, драматично, легко, но все же, зная Чабукиани, это можно было предвидеть, так же как и танцы в доме Гудала, вплоть до той минуты, когда над головами несущих на сцену вплывает тело убитого жениха. В отчаянии припадает к нему плачущая Тамара. Все замерло, все понурилось в глубокой печали, обступив безгласный труп и невесту. Свет слегка меркнет. И, невидимый никем, кроме нас, не раздвинув толпу, а внезапно возникнув возле Тамары, Демон склонился над ней. Она поднимает голову. И слышит — мы это видим — волшебный голос и отвечает на него странной улыбкой. Поднимаясь, она идет навстречу ему — навстречу нам, зрителям, а он, Демон, за ее спиной, видимый только нам, заклинает ее. И она, упав на его обнаженную руку и осененная его черным крылом, слушает песню танца, завороженная, а Демон укачивает ее, как дитя, и просит ее не плакать...

Невыразимое смятение, испуг, восторг в чертах и в движениях Тамары. Волшебная ласка, мука любви, умягчающая страдания отверженца, в чертах и движениях Демона. И вдруг она замечает его и с пронзительным криком, который прозвучал в жесте и в музыке, падает. Демон исчез!

...Часть монастырской стены. Высокое, едва освещенное сводчатое окошко. Прильнув к стене, Демон сквозь прозрачную пелену видит внутренность кельи, огромный полый крест, излучающий слабый свет, и Тамару в мучительном борении с собой. Появляется ангел. В тот миг, когда он, бессильный, скрывается, Демон проникает в обитель. И внезапно мы видим его: он вписан в контур креста и склонил голову над распростертой Тамарой. Мы видим то же, что видит она, — призрак, антитезу божественного начала.

Вы скажете, что у Лермонтова этого нет, и будете правы. Но, во-первых, Лермонтов по условиям тогдашней цензуры не мог изобразить Демона в обличье распятого Христа. А кроме того, если бы даже подобная мысль у поэта не возникала, находку Чабукиани все равно надо признать отличной. Эта новая «дематериализация» Демона, возводящая его в категорию духа, в высокой степени отвечает характеру лермонтовской поэмы.

Когда Тамара упадает на свое смиренное ложе и Демон, стоя над ней, распростирает свою черную сень, мы вспоминаем чудную музыку лермонтовского стиха. Начинается танец, и, кажется, мы слышим его — танец-увещевание, танец-клятву — подарить вечность за миг, открыть бездны познания, освободить Тамару от оков рабской покорности, сделать ее царицей мира.

Гаснет свет, зажигаются сонмы плывущих в темноте звезд — свершаются обещания Демона. Вместе с ним и с Тамарой мы поднимаемся в надзвездные края, слышим музыку сфер, видим хоры светил. Начинаются звездные танцы — развернутая балетная феерия. Но спектакль уже «в полете», он уже не нуждается в новых обоснованиях своего сходства с поэмой. Он уже обрел право, чтобы в него верили. Это не иллюстрация, это — произведение, вдохновленное гением Лермонтова.

Меня спрашивают: взял ли что-нибудь Чабукиани от Врубеля? Возможно. На спектакле об этом не думаешь. Знал ли Чабукиани о том, как воплощал этот образ Шаляпин? Наверное. Но и об этом не вспоминаешь в театре, как ни разу не вспоминаешь об опере Рубинштейна. Спектакль самостоятелен. И так динамичен, что нет поводов и нет времени для сравнений.

Конечно, если хорошенько подумать, станет ясно, что Чабукиани знает скорбного Демона врубелевских полотен. Читал о могучем шаляпинском Демоне. И, очевидно, слышал вокальные записи его монологов. Но при всем том Чабукиани по-своему трансформировал содержание лермонтовской поэмы и продолжил ее в новом измерении искусства.

При этом спектакль получился очень грузинским. Это естественно. Долины и горы Грузии, которые Лермонтов избрал местом действия своей гениальной поэмы, юная грузинка Тамара, олицетворившая в себе все прекрасное на земле, ее старый отец, жених, воины и родня на свадьбе — эта Грузия, увиденная и воспетая Лермонтовым, органически стала темой грузинского балета. Да и самый сюжет напоминает грузинскую легенду о злом духе — дэве, полюбившем красавицу Тамару. И если даже Лермонтов этой легенды не знал, то хорошо знал другие грузинские предания и песни, которые отозвались в тексте «Демона». Вот почему балет Чабукиани оказался одновременно и лермонтовским спектаклем, и продолжением традиций русского изобразительного и сценического искусства, и в то же время грузинским национальным созданием. Что значит умный выбор сюжета!

Воплощению этого материала хорошо помогает музыка. Если «Отелло» возник вследствие творческого сотрудничества Вахтанга Чабукиани с композитором Алексеем Мачавариани, то в «Демоне» новый великолепный союз балетмейстера с другим замечательным композитором Грузии, Сулханом Цинцадзе.

Было бы, однако, нечестно умолчать о недочетах этого интереснейшего спектакля. Прежде всего это касается оформления. Оно остроумно, изобретательно, тщательно осмыслено Чабукиани, но у художника И. Аскурава не во всем хватило умения лаконично и строго развить его замысел. В «Демоне» нет того, что так поражало и радовало в балете «Отелло», — единства всех компонентов спектакля. В «Демоне» нет Вирсаладзе.

Но вернемся к достоинствам. Выдающийся хореограф нашего времени стал творцом нового балета, который непохож даже на его собственные работы, — это романтический грузинский балет, и образы Демона и Тамары, которую танцует Вера Цигнадзе, воссозданы в нем в духе поэзии Лермонтова. А это не просто

Когда гибнет Тамара, и Демон в вихре отчаяния падает и летит вновь, посылая проклятия небу, и архангелы поднимают вверх свои трубы, торжествуя победу, мы знаем, что торжество это мнимое, что Тамара умерла подругой и союзницей Демона, что он посвятил ее в свою вечную вражду с богом...

Описывая в предпоследней редакции поэмы наряд умершей Тамары, Лермонтов говорил об улыбке, застывшей у нее на устах

Что в ней? Насмешка ль
над судьбой?
Непобедимое ль сомненье?
Иль к жизни хладное
презренье?
Иль с небом гордая вражда?

По условиям тогдашней цензуры, Лермонтову пришлось изъять из поэмы эти гениальные строки и формально признать поражение Демона («И проклял Демон побежденный мечты безумные свои»).

Чабукиани — это понятно — положил в основу балета окончательную редакцию поэмы. Но интуиция советского художника сказалась и здесь, экспрессия танца, «страданий мрачная семья», отраженная в чертах Демона, говорят нам о том, что Демон в этом спектакле остается по-прежнему одиноким, по-прежнему непокорным.

Следуя Лермонтову, Чабукиани раскрыл в танце великую трагедию одиночества. И снова — в который раз! — доказал, что в каждой новой своей работе он способен воплотить содержание еще более сложное, чем в предыдущих.

Чабукиани — Демон.
Фото В. Джейранова.

ОН ОСТАЕТСЯ НЕПОКОРНЫМ...

Консультации — будни заочников

О МУЖЕСТВЕ, ДИ

О. КУПРИН

Фото М. САВИНА

Неделю или две назад четыре буквы — ВЗЭИ — не вызывали у нас ровно никаких эмоций. Мы даже не знали, что сие означает. А сейчас хочется расшифровать это слово так: воля, знания, энтузиазм, искания.

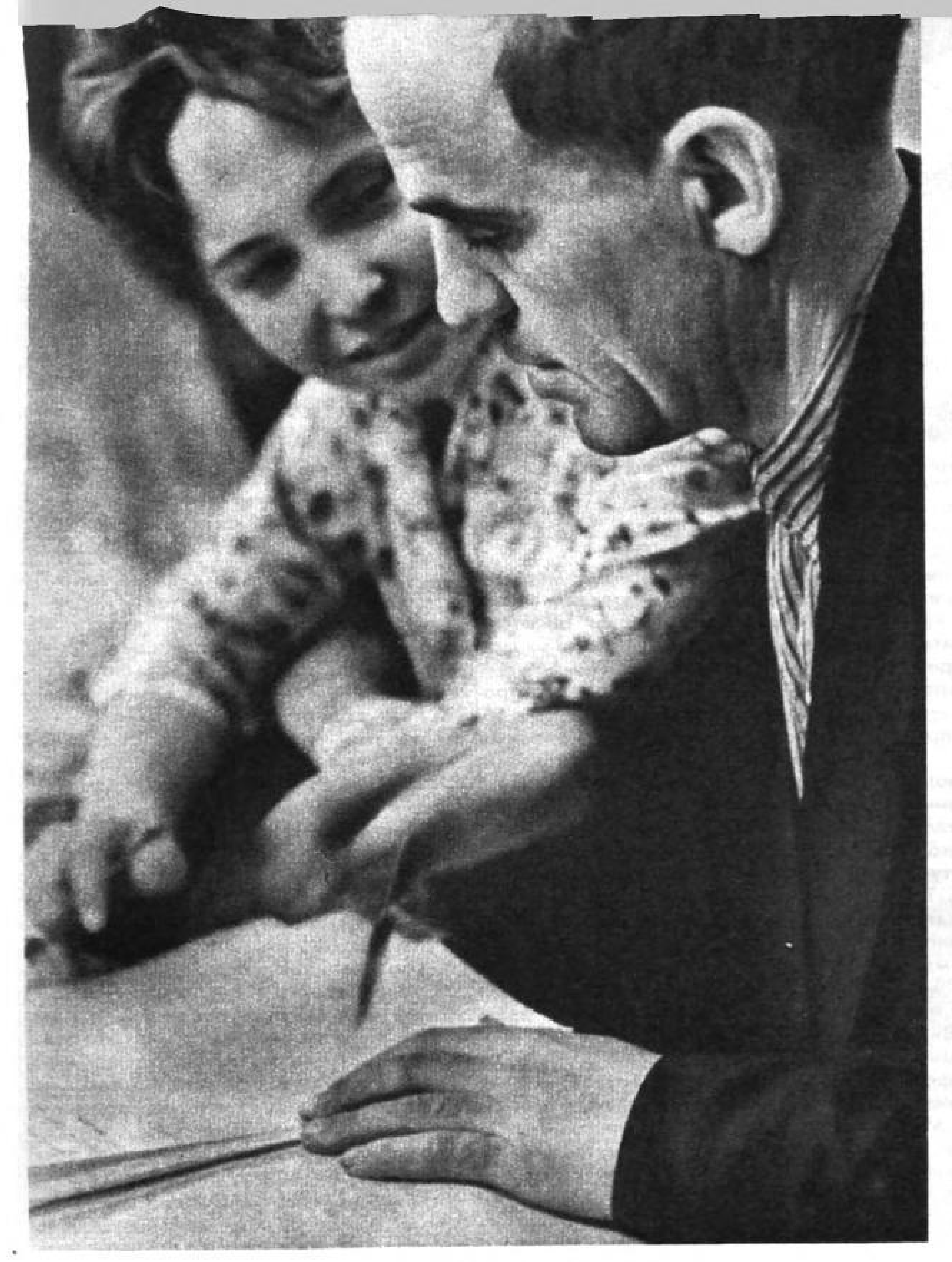
На самом деле, конечно, смысл четырех этих букв куда более строг и менее поэтичен: Всесоюзный заочный энергетический институт: 5 факультетов, 16 тысяч студентов.

И тем не менее хочется говорить о воле, знаниях, энтузиазме, исканиях. Заочнику, да еще энергетического института, нужно непременно обладать этими качествами. Если нет их, человек не выдержит и одного семестра, а учиться здесь надо 6 лет.

...Стол покрыт красной скатертью. К доске приколоты листы ватманов — несколько слоев. Слоев столько, сколько дипломных проектов сегодня защищается. Одного прослушали — верхний слой снимают, под ним другая работа — и перед комиссией снова взволнованное лицо.

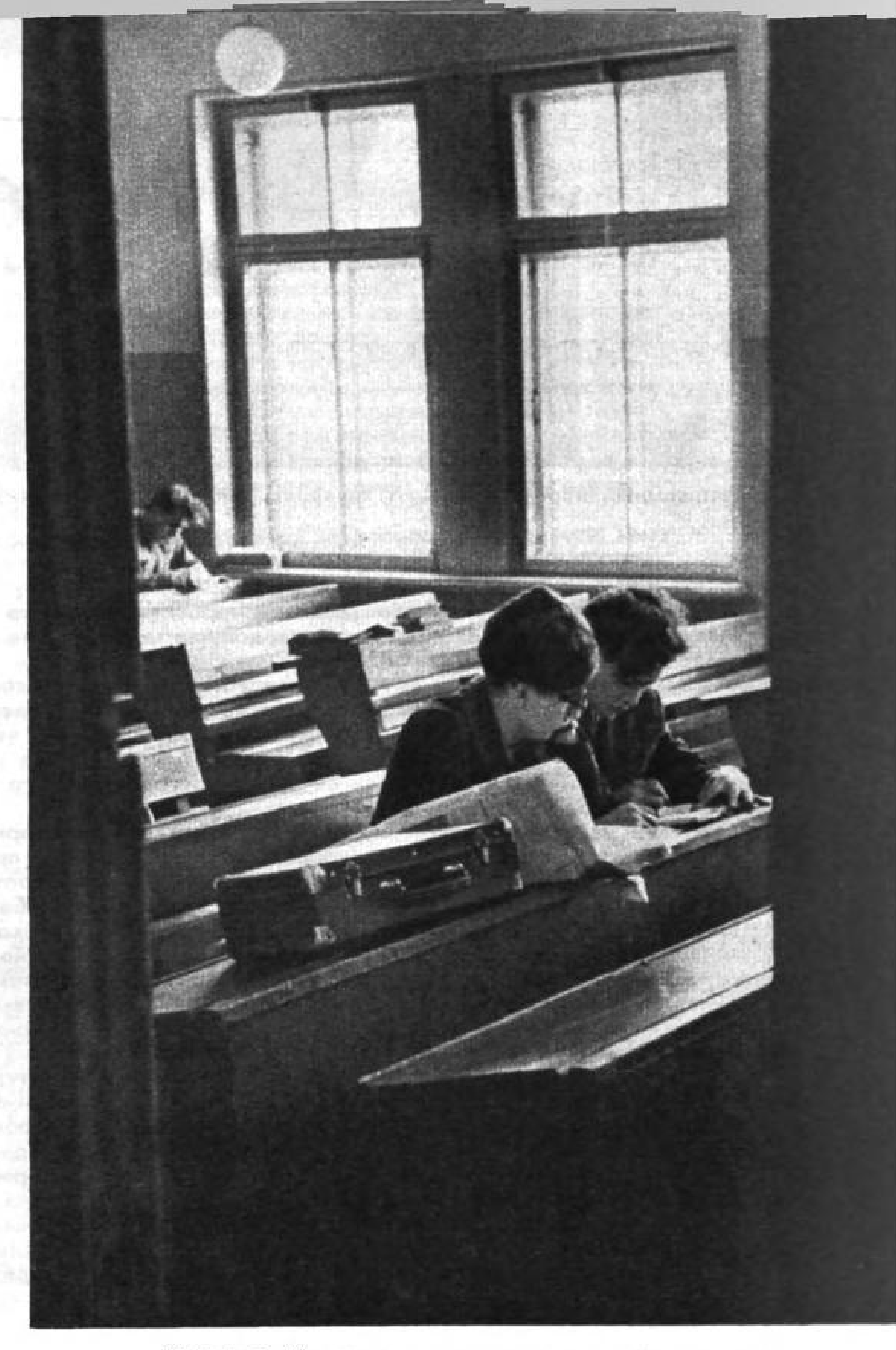
Скоро начнется защита. В коридоре перед аудиторией — дипломанты. Это «автоматчики» — их проекты посвящены проблемам автоматизации на самых различных производствах. Каждый то и дело смотрит на часы. Волнуются. Правда, все по-разному. Одни наспех пробегают какие-то записи. Другие без конца курят — па-

←
Лабораторные работы для заочников тоже обязательны.

Она консультант, он студент.

Перерыв. Но еще столько неразрешенных вопросов!

ПЛОМАХ, ПОРТАЛЬНОМ КРАНЕ

пиросу за папиросой. Третьи ходят по коридору и просто молчат. А Владимир Заславский из Ташкента торопится доесть булку. Сытый желудок на защите — тоже не последнее дело. Он «защищается» сегодня первым и, видимо, всё помнит и повторять ему ничего не нужно. Не зря же на листе ватмана, что приколот к доске, красуется сложнейшая схема запоминающего устройства, которое уже практически используют на Ташкентском кабельном заводе.

Итак, через несколько минут начнется защита — заключительный аккорд шестилетних волнений, отпусков, проведенных в библиотеках, непросмотренных кинофильмов и недосмотренных снов. А мы пока заглянем в соседние аудитории. Там — студенческие будни.

Что такое будни заочника?

В коридорах загорелись таблички: «Не шуметь. Идут занятия». Значит, будни в самом разгаре. Походим, посмотрим.

...В аудитории тесновато. Здесь сразу работают несколько кафедр. Консультации, зачеты, экзамены. Вот будни заочного института: молоденькая девушка и пожилой мужчина, который вполне годится в отцы своей собеседнице, оживленно беседуют. Идет консультация. Разговор о проблемах телемеханики. Консультацию дает Нинель Ивановна Голубкова, а тот, что годится ей в отцы,— студент, вернее, слушатель факультета усовершенствования, старший инженер связи Министерства путей сообщения Георгий Васильевич Паданин.

В соседней аудитории сдает зачет человек в морском бушлате. Чацкому было легче: «с корабля на бал» — не бог весть какая трудная ситуация. А вот с корабля — на зачет... Всеволод Николаенко приехал из Мурманска. Плавал старшим электромехаником на «Индигирке», на «Оби», на «Лене». После вахты — друзья спать, а он за книгу. За бортом — шторм, а тут сопромат, после которого, как говорят студенты, можно жениться, или какая-нибудь ТММ (теория машин и механизмов), что на студенческом языке означает: тут моя могила.

Студенты — народ острый на язык. Мы побывали в лаборатории, которая на студенческом наречии носила довольно длинное и страшное название — «не цапай, а то убьет» — в лаборатории техники высоких напряжений. Здесь с заочниками вел занятия Владимир Серафимович Шатин.

Лабораторные работы для заочников столь же обязательны, как и для студентов дневного отделе-

За дверью подводится итог шестилетних волнений.

Когда дипломный проект защищает товарищ... Москвичка Неля Митрофанова волнуется за своего сослуживца Николая Корнеева. Через несколько дней она сама будет стоять у доски.

ния. Вне очереди проводят лабораторные исследования те, кто приезжает в Москву из дальних краев.

Заведующий кафедрой профессор Иван Иванович Петров, во владения которого мы попали после посещения лаборатории, говорит нам, указывая на студентов, собравшихся в аудитории:

— Это будут специалисты высокого класса. Они все хорошие практики, а с теорией горы свернут. Положа руку на сердце, скажу: учиться у нас трудно, очень трудно. Порой удивляешься даже, какая сила в этих людях! У многих семьи, на работе забот хватает, а они тянут и тянут свою студенческую лямку. Глядишь, прошло шесть лет—и перед тобой уже инженер. Да еще какой инженер! Нам, может быть, не так заметно, как пролетели эти годы, а для них это героический труд. Вот сейчас вы увидите, быть может, самый волнующий момент в жизни заочника — просмотр дипломного проекта. Решается вопрос: допустить к защите или нет?

К столу подошел плотно сбитый человек лет тридцати и развернул перед комиссией рулон чертежей.

— Тема моего дипломного проекта...

...В магаданский порт пришел корабль. Ошвартовался у причала для разгрузки. Рядом портальный кран. Грузы лежат глубоко в трюме, крановщику на верхотуре из своей кабины их не видно. Тогда на помощь приходит сигнальщик. Он располагается на выносном мостике над самым трюмом и начинает дирижировать. У музыкантов есть еще ноты, а тут изо дня в день одно и то же — «Вира помалу!» И дирижер он обычно неопытный. Не такая это профессия, чтобы подолгу задерживались на ней люди. Да еще в Магадане, где каждый рабочий на счету. А ведь можно же сделать так, чтобы крановщик сидел на том самом выносном мостике, чтобы был у него в руках маленький пульт и командовал он отсюда всеми рычагами крана?

— Тема моего дипломного проекта «Электрооборудование портального крана с дистанционным управлением»,— начал дипломант и развернул первый лист ватмана. Это был магаданец Марцелий Новицкий, бывший монтер.

Вопросы следовали один за другим, и на каждый был дан весьма основательный ответ. Оказалось, что дипломант успел побывать на московском заводе «Динамо» и уже знает, что можно получить с завода для монтажа того портального крана, который стал в аудитории предметом оживленной теоретической дискуссии.

— Хорошо поработали!— Иван Иванович Петров подписывает один за другим все десять ватманов дипломного проекта и говорит, уже обращаясь к нам: — Этой подписи они ждут шесть лет. А через несколько дней на защите пять минут будет стоять и трясти указкой. Нервы, что поделаешь! Когда я защищал докторскую, то же самое было.

А у «автоматчиков» тем временем защита в разгаре. Уже снят первый слой ватманов с доски. Уже прочитан отзыв рецензента. Мы заметили, что каждая рецензия начинается так: «Тема посвящена актуальной проблеме...» Конечно же, это не штамп. Просто так и есть на самом деле.

У стола уже «пять минут трясет указкой» москвич Николай Корнеев. В аудитории полно народу — «болельщики». Мы не понимали, о чем говорил дипломант — проект был слишком сложен для нашего нетехнического ума, но по лицам сидевших вокруг нас мы узнавали, что происходит там, у доски. А там стоял, в полном смысле слова, «без пяти минут» инженер — человек железной воли, знающий специалист, энтузиаст своего дела, искатель.

Защитил!

НАДЕЖДЫ И МУКИ ИСПАНИИ

Пьер ГАМАРРА

Моим друзьям, советским читателям

Я счастлив, что читатели «Огонька» смогут прочитать эти страницы, посвященные Испании, ее мужественному народу, его страданиям и надеждам.

Об Испании я знал из уст ее детей, нашедших убежище во Франции, по произведениям испанских писателей. Я любил эту страну еще до того, как отправился в путь по ее дорогам. Я люблю Испанию еще больше теперь, после встречи с ее людьми.

Конечно, дорогие читатели Советского Союза, никакими словами нельзя достаточно полно обрисовать нужду и горе в Испании, поведать о попранных правах человека на этой истерзанной земле. Но позвольте мне, прежде чем пригласить вас последовать за мною в путешествие, сказать вам, что испанский народ никогда не склонял и не склонит голову перед тиранией, он останется верным своим традициям отваги и гордости, верным идеям мира.

При встречах в поездах, на дорогах — повсюду, куда забрасывал меня случай, мне приходилось рассказывать простым людям о моем посещении Советского Союза. Если бы вы знали, сколько хороших вопросов задавали мне, сколько добрых воспоминаний вызывало упоминание о вашей стране! Ваша повседневная жизнь, достижения вашей науки, строительство ваших городов, книги ваших писателей — все это вызывает у испанского народа живой интерес, большую и искреннюю симпатию. Я уверен: грубая враждебная пропаганда и туман измышлений никогда не смогут ослабить этой симпатии, они никогда не внесут сомнений в чистое сердце народа.

Народ Испании — ваш друг. И хотя теперь ни книги, ни фильмы ваши к нему не доходят, он все равно видит ваш свет и чувствует тепло вашей дружбы.

Пьер ГАМАРРА

Аржантей,
6 мая 1961 года.

Соя и кока-кола

Поезд подходит к Аржелесу. Квадратная башня цвета шафрана и меда возникает в утреннем солнце. Миндаль в цвету — необозримы его поля; шумно несется к морю поток щебня с откоса; террасы виноградников, аккуратные, причесанные заботливой рукой; побеги коричневых лоз на ржавой земле.

Море искрится меж светлых скал. Аржелес...

И мне вспомнился мой давний испанский друг, рассказывавший когда-то о лагере Аржелес. Здесь родился его сын. Ящик из-под мыла стал колыбелью маленького испанца. Зима 1939 года. Аржелес...

Секущий дождь бьет по крышам бараков, обнесенных колючей проволокой. Французские жандармы стерегут лагерь. В нем беженцы из Испании.

Год 1931. Республика и все то, что она сулит Испании. А 1936 год, 18 июля? Франко звал в этот день к мятежу. Радио Сеуты условным зовом оповещало заговорщиков. Война, оборона Мадрида, Герника, город, сожженный эскадрильями Геринга, битва на берегах Эбро... Миллион погибших.

И вновь поля цветущего миндаля, рощи персиков в цвету сползают к самой синеве моря. Круглые черепицы крыш, привычные для этой страны, белые фасады домов, алоэ, высаженное вдоль улиц, и этот южный свет, так отчетливо все вырисовывающий. В нем нет еще знойной силы летних дней, он одновременно и сух и нежен, словно невесомая пыль, едва различимая, которую ветер с моря завивает у подножия оливковых рощ — первых на нашем пути.

Каюрес. Тишина безмятежного городка. Весна отогревает его живописные улочки, уснувшие в тени. Порыжевшие сети на каменистых берегах. Морская лазурь то появляется, то вновь исчезает из глаз. В Каюресе нельзя не вспомнить еще об одном испанце. Это поэт Антонио Мачадо. Он умер здесь, в изгнании, от тоски и усталости. Я вспоминаю кладбище Каюреса. Однажды вечером я стоял у цементной ниши, где покоится прах поэта. Две тощие пальмы уходили в синее небо. Тогда еще не было высечено имя на урне. Незнакомая женщина взяла меня за руку и сказала:

— Он там, наш Мачадо. Он там...

Порт Вандр. Домик с арками цвета фисташек и роз. И опять земля виноградников, коричневая и рыжая, уходит террасами к голубизне моря. Баниульс. Новые скалы, новые миндальные рощи и шеренги виноградных лоз. И, наконец, Порт-Бу... За этими домами и этим вокзалом начинается Испания.

Так живут на берегах Гвадалквивира.

В моих жилах есть толика крови Испании, я говорю на ее языке. Для человека моего поколения это может прозвучать несколько символически. Ведь муки Испании предопределили и наши страдания, они наметили первые шаги моей жизни. Я был еще ребенком в ту пору, когда провозгласили Республику, в апреле 1931 года. А на пороге моей юности — в день 18 июля 1936 года раздался вероломный клич к восстанию. Радио Сеуты объявило: «Над всей Испанией безоблачное небо».

Потом были Герника и наш Орадур.

Beba coca-cola!

Грязный и серый испанский вокзал. Нас уже ждет поезд на Барселону. Он такой же холодный и пыльный, как вокзал.

Три удара колокола. Поезд медленно трогается. Снова солнце. Яркий свет. Это уже земля Испании. Маленькая норовистая лошадка бойко тянет тележку, исчезающую в белой дорожной пыли. То там, то тут возникают пальмы.

При въезде в Фигерас на грязновато-розовой стене дома вспыхивают слова: «Beba coca-cola!» — Пейте кока-колу! Эти красные щиты с белыми буквами я встречал повсюду: в самых жалких деревушках и в Мадриде подле великолепнейших желтых камней Пласа Майор, на улицах Гранады и Кордовы, у входа в лавчонки, торгующие сидром в Астурии. Беба кока-кола, беба кока-кола, беба... Алое наваждение кока-колы! Когда я хочу пить, мне уже не надо искать вывеску кафетерия или бара, а только пурпурную табличку: «Пейте кока-колу!». Не ищите в деревнях таверну с вывеской. У сельских ресторанчиков нет иных опознавательных знаков, кроме красных щитков на двери.

Дорога идет вдоль платановых рощ и тополевых аллей. Солнце в зените, весна поспешила в этом году. В Сан Хорди, где дома с пузатыми балконами окрашены в розовый цвет и цветут сады из роз и инжира, долгая стоянка. В Испании поезда не торопятся. Где-то вдали кричит осел, ему откликается другой. Тронется ли когда-нибудь поезд? Эта долгая, почти безмолвная стоянка, застывшие у вагонов крестьяне, нагруженные узлами, безоблачный зной, близкие, незабытые приметы сельской жизни, крики ослов и петухов напоминают мне южные деревни моего детства.

Завтрак в вагоне-ресторане: взбитые яйца с помидорами, наскоро приготовленный эскалоп, апельсин и стакан вина. Вино хорошее, апельсин не очень. И я говорю об этом сидящему напротив меня пожилому человеку, весьма приветливому и вежливому. Он объясняет:

— Все из-за экспорта. Лучшее мы вывозим, а то, что остается, едим сами. Но вам все же доведется отведать настоящих апельсинов в Испании.

У него извиняющаяся улыбка на устах.

— То же самое происходит и с маслом. С оливковым маслом. У нас в Испании уже начинают торговать соевым маслом. Его посылают нам американцы. Оно менее дорого, но людям не очень нравится. Иногда смешивают оливковое масло с соевым. Это отвратительно!

Мой случайный попутчик все рассказывает, а у меня это укладывается в слова: «Испания», «соя», «кока-кола».

Барселона

В этом городе я живу на узкой улочке, забитой лотками. Им тесно, они выползают на дорогу. Крохотные бакалейные и мясные лавчонки и таверны. Витрины загромождают проходы. В мрачных подвалах домов ютятся прачки, столяры, холодные сапожники. А этажом выше — за витринами — нагромождения сосисок, круги сыра, мешки фасоли и чечевицы, тресковое филе, миндальная халва и айвовый джем, бочки с оливками.

Каждые десять метров здесь встретишь слепого. Он поет, кричит, вымаливает у прохожих: «Купите билетик!». Их очень много по всей Испании, этих слепцов с лотерейными билетами на счастье! Они приехали из Андалузии, там они собирали какое-то ядовитое волокнистое растение для текстильной промышленности и потеряли зрение. У двери гостиницы, где я жил, старая слепая женщина жалобно причитала:

— Никто не покупает у меня! Все останется мне! Эй! Что же я заработаю сегодня?..

Я долго стоял возле нее. Неподвижное лицо, мертвые глаза. Она пронзительно взывала к прохожим. Все свои билеты она приколола булавками к корсажу платья, к плечам, черному платку, прикрывающему ее седые волосы.

Но стоит отвлечься на минуту, поднять голову — и вы прочтете объявления Генеральной миссии, написанные зеленой краской: «Dios te ayudara» — «Да поможет тебе бог!»

В дни моего пребывания в Барселоне всюду, во всех уголках города, я встречал этот призыв,— да простит меня бог,— и на стенах пресловутого Барио Чино, квартала, называемого «заповедным».

Если позволите, одно лишь слово о Барио Чино. С тех пор как Испания примкнула к решению ООН, «дома» в Барио Чино закрыты. Но их обитательницы получили профессиональные удостоверения служащих (camareras) и теперь ждут клиентов уже за прилавком и стойкой. И ты видишь это угрожающее человеческое торжище через витрины таверн. Вечером улицы кишат. Сотни мужчин шныряют взад и вперед перед барами, застывают у окон, где девицы всегда наготове.

Несколько жандармов в кожаных шляпах, поля которых забавно отогнуты назад, спокойно прохаживаются в толпе. А на стендах между барами я снова вижу объявления Генеральной миссии, стыдливо вещающие: «Бог тебя хранит! Бог тебе поможет!».

У стойки бара я болтаю с соседом. Он словно дремлет перед стаканом джинебра. Опрятная, но поношенная одежда. Какой-нибудь счетовод или служащий банка? Он угадал во мне иностранца. Расспрашивает о Париже, Монмартре и, конечно, о Пляс Пигаль.

— Я зарабатываю всего две тысячи песет в месяц. Это не так уж плохо, но если бы я вздумал жениться... Семья, дети, хозяйство!.. Две тысячи песет... На этой улице вы можете встретить мужчин, которые зарабатывают и тысячу и меньше. Они не могут жениться. Невозможно.

Меж рекламных объявлений о коньяке и кока-коле, посреди бочек, стоящих одна на другой, мелькают воззвания Генеральной миссии:

«Dios te ayudara»!

Вечная Испания!

Мне скажут, что это и есть вечная Испания, страна перемежающихся теней и света, рвения и низости, крови и мистической экзальтации, страна контрастов, страна Дон-Кихота и Санчо. Но я настороже, я не доверяю этой эспаньолизированной Испании для туристов, этой эспаньоладе, которую нам хотят преподнести как упрощенный облик страны и грубо подкрашенный лубок. «Испания пандерета — тамбурина», — с презрением говорят испанцы, Испания, сведенная к барабану басков, к гитаре, бандерилье, трагикомическому клинку. Но и в другую Испанию, извечно голодную и несчастную, я тоже не хочу верить.

Чтобы познать эту страну и понять тех, кто ее населяет, мало одних только прогулок с привычными гидами, воспоминаний о прочитанном у Мериме и Хемингуэя,— нет, надо широко раскрыть глаза, долго ходить, говорить, слушать, думать.

Гиды не скажут вам: «Аржелес — здесь был лагерь беженцев», «Каюрес — здесь умер Мачадо». Нет, ищите детский образ Антонио Мачадо в Севилье; поэта-метра, который обучал испанских школьников французскому языку и любви к свободе, — в Сеговии.

Гид скажет вам, что в доме номер шесть на Пассио де Колон в Барселоне Мигель Сервантес закончил «Дон-Кихота». Но этому не следует слишком доверять. Дом Сервантеса существует лишь только как волнующий призрак за холодными камнями современных зданий. Гид скажет вам, что в древней тюрьме Севильи, которой тоже нет давным-давно, заточенный там Сервантес создавал «Дон-Кихота». Но он не скажет вам, что один из самых великих поэтов испанского народа, Мигель Эрнандес, родился в Ориуэла. Этот гид расскажет вам об апельсиновых рощах, о соборе, о крепостных стенах мавров, но никогда не обмолвится, что Мигель Эрнандес, приговоренный к пожизненному заточению, умер на каторге в Аликанте от туберкулеза и тифа и прах поэта покоится на Аликантском кладбище.

Вот она, Барселона — благородная, богатая, красивая столица Каталонии, вытянувшаяся вдоль моря от памятника Колумбу до самых холмов. Она развернула перед нами свои древние клады и новые богатства. Это город текстиля и печати, город торговли. Здесь есть дома и учреждения, ультрасовременные, необычайно комфортабельные квартиры, богатейшие витрины.

В порту вы осматриваете корпус из орехового дерева, воспроизводящий каравеллу Колумба «Санта Мария». Оглянемся на город: вот Рамблас меж изгородей платанов, посреди двойного ряда цветов тянется до самой площади Каталуния. Птичий гомон над оранжереями. Рамблас великолепен и при дневном и при ночном освещении. Толпа снует среди лотков. Воздух напоен запахом апельсинов и гвоздики. Величествен собор, и очень хороши каталонки. Вы не встретите здесь ни чистильщиков сапог, ни слепцов. Они лишь неприметные детали декораций. Но остановимся в этом же квартале на Пляса Реаль. Эта старинная площадь с аркадами, где над каменными скамьями, изъеденными временем, склоняются сверкающие пальмы. Здесь играют дети, отдыхают старики. Пляса Реаль напоена влагой и теплом весенней ночи; она подобна драгоценному камню, обрамленному зеленью пальм.

Но если вы пройдете вдоль набережной до квартала Моро, там уже не встретите ни памятников, ни роскошных витрин. Огромное кладбище взобралось на холм и словно подстерегает море. А чуть ниже — квартал лачуг. Некоторые из них не достигают и полутора метров высоты. Они слеплены из ноздреватого камня, подбиты досками, в заплатах старой жести. Здесь тоже есть свои «улицы», свои «площади».

Но квартал Моро — это не зона отверженных, не трущобы, не «дно» босяков. Здесь живут семьи тружеников. От шести до десяти человек ютятся на четырех квадратных метрах. А может быть, и меньше? Разве точно измеришь! Сушится рваное пестрое белье бедняков. Стены побелены известкой, как это принято в Андалузии. Большинство здесь — оттуда, с юга. Каменщики, металлурги, ткачи населяют квартал Моро. Отсюда в город их доставляет грохочущий старый трамвай. Обитатели Моро зарабатывают от шести до восьми тысяч старых франков в месяц. Просуществовать на эти деньги в Испании невозможно. Что же остается делать?

Остается только одно — голодать.

Страна, где цветут апельсины

Мы миновали Таррагону. Поезд шел чудесным средиземноморским берегом Испании. Здесь страна, любуясь своими зубчатыми светлыми скалами, смотрит на Балеарские острова. Уже бежит навстречу Тортоса. Сейчас состав пересечет Эбро.

Поезд идет медленно, и кажется, что он вот-вот остановится. Я начинаю свыкаться с железными дорогами Испании. Их паровозы в основном очень преклонного возраста. Кое-где на путях маленьких станций можно встретить и совсем допотопные существа с жирафоподобной шеей, которые, казалось бы, нигде и не увидишь больше, разве лишь на карикатурах или в очень старых журналах. В Испании, кроме двух или трех поездов-суперлюксов (как «Тальго» или «Тафт»), курсирующих между Ируном, Барселоной или Мадридом, все остальные уж очень ветхи, покрыты слоем древней пыли.

Вагоны первого класса частенько ходят полупустыми, во втором есть свободные места, переполнены третьеклассные. В этих вагонах имеется задняя площадка, она прикрыта со всех сторон ржавым, старым железом и грохочет, подпрыгивает, дребезжит на ходу. Но зато там можно курить, любоваться открывающимся видом.

Но вот и Тортоса, какая-то розовая и желтая на фоне лиловых круч. Пальмы уходят в самое небо.

Здесь в июле 1938 года началась битва за Эбро. Именно здесь, в районе Тортосы, XIV интернациональная бригада пыталась форсировать реку, остановить, не дать франкистским полчищам прорваться к Валенсии. Знаменитый батальон имени Парижской коммуны входил в состав этой бригады...

Скрылась Тортоса. В дверях вагона стоит женщина. Она нищенски одета, одной рукой держит младенца, другую протянула за подаянием. Она еще довольно молода. Нет, это не цыганка. Совсем юная девушка подала ей полпесеты.

Пейзаж постепенно начал меняться. Возникает черное и красное море апельсиновых рощ. До самого горизонта оно несет свои монотонные волны. Но вот начинается уэрта — сады. На тщательно обработанной земле рыжевато-алого цвета сменяются деревья с темной листвой. Некоторые из них еще очень хрупки: недавно только высажены.

Мой сосед дает мне пояснения: в этой части уэрты прошли заморозки, пострадали деревья, пришлось вновь делать посадку.

— Когда урожай хороший, можно неплохо заработать. Рис и апельсины — богатство этих мест.

Человек хмурит брови, задумывается и добавляет с улыбкой:

— Для тех, конечно, кто их имеет.

За окнами медленно проплывает волнообразная поверхность уэрты, беспрестанно тянутся апельсиновые рощи.

— Сколько зарабатывает сельскохозяйственный рабочий?

— Это зависит от времени. Когда работы не очень много, то и заработок не бог весть какой. Песет тридцать в день. В самую

В. Иванов. ГАВАНА В ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ.

П. Оссовский. НА НАБЕРЕЖНОЙ.

В. Иванов. КРАСНАЯ ЗЕМЛЯ.

П. Оссовский. СТАРЫЙ РЫБАК.

страду, спешку работа может дать пятьдесят песет.

Мой собеседник помолчал с минуту.

— На Юге вы увидите страшную нищету. Андалузцы покидают свои места. Они эмигрируют в города, на Север. Когда-то они уезжали в Америку, на Кубу или во Францию. Теперь многие едут в Германию...

— В Германию? Что же они делают в Германии?

— Что придется, сеньор, занимаются любым делом.

Белая от пыли дорога бежит за составом. Она окаймлена густым частоколом инжира. Мчатся автомобили. Я различаю наши марки: одну «4СУ» и одну «Дофин». А рядом нескладные, клячеобразные грузовички, старый, до предела набитый автобус, много колясок, запряженных лошадьми, и бесчисленные ослики. Крестьянин верхом на осле примостился меж двух тюков, ноги его волочатся по земле. Немного дальше четыре маленьких ослика следуют один за другим под тяжестью нагруженных на них вязанок хвороста.

В каком-то журнале я только недавно вычитал, что осел — это животное, почти исчезнувшее во многих странах. В Испании на каждом шагу вы встретите работягу-ослика: и на сельских дорогах и на улицах городов. Я видел их, перевозящих бидоны с молоком, хлеб, кирпичи. И я слышал, как сухо стучат их копыта, как терпеливо семенят они по узким улицам Гранады. Я видел, как они перевозят воду в предместьях больших городов и как тянутся к рынкам с поклажей капусты и чеснока. Они небольшие, тощие, с острыми ребрами. Бахрома линялого розового цвета и растрепанные помпоны свисают по обеим сторонам их брюха. В городских кварталах, в деревнях цвета шафрана и мела я слышал, как они ревут в полуденный час, и крик их, меланхоличный и властный в одно и то же время, еще сильнее подчеркивал непритязательность пейзажа.

Сосед протягивает мне жгут листового табака. Я разворачиваю его, склеиваю закрутку и закуриваю.

— Если вам нравятся эти сигареты, прошу вас, не стесняйтесь. У меня не последние.

Мы возвращаемся в вагон. Мой спутник огорчается, что мы не встретимся с ним в Андалузии. Он хорошо знаком с Гранадой и был бы рад сопровождать меня. Он разъясняет мне маршруты трамвайных и троллейбусных линий, рассказывает об отелях — свойственная испанцам учтивость и приветливость. Сто раз я смогу еще убедиться в этом. Конечно, у вокзалов и гостиниц можно встретить жалких людишек, не отличающихся излишней щепетильностью, толкущихся здесь в ожидании чаевых. «Ganchos» (по-русски «крючок») поджидают вас при выходе с поезда, набрасываются на ваши чемоданы, скороговоркой предлагают вам такси, отель, пансион. Они худы и оборваны.

Нужда выработала в «ганчос» особую меткость глаза: они без промаха распознают иностранца.

Но стоит вам лишь покинуть вокзал, окунуться в гущу народа, как вы почувствуете такую улыбчивую вежливость, какую, пожалуй, нигде в другом месте не встретить.

Я много исходил пешком по Испании, ездил в автобусах, трамваях, машинах, побывал далеко в пригородах, обошел множество нескончаемых улиц с домами, словно изъеденными проказой, где белье сушится на окнах: рубахи, фартуки, простыни свисают вдоль серых и белых стен. Но сколько бы я ни бродил, никогда не опасался сбиться с пути. Я отлично знал, что первый же встречный совершенно точно разъяснит мне дорогу, а в случае надобности, невзирая на мои протесты, сам проводит меня. Испанец общителен, дружелюбен, искренен и бескорыстен. Эта врожденная доброта народа — его природная черта, если можно так сказать.

Велика нищета этого народа. Я уже отмечал это и не раз еще вернусь к этой теме. Но я пришел к выводу, что испанский народ не испортила, не заставила опуститься эта ужасающая бедность.

...Пассажир, который разделял мое общество в этом поезде, шедшем в Валенсию, задавал мне множество вопросов о Франции, о деголлевской власти и о войне в Алжире. Дела моей страны его весьма занимали.

Он положил мне руку на плечо и сказал:

— Когда Республика была раздавлена в Испании, я отлично знал, что она будет раздавлена и в других странах. Вам этого не следует забывать. Если бы наше несчастье могло вам пригодиться!..

Он приблизился ко мне и глухо прошептал:

— Здесь у нас газеты говорят лишь то, что им позволяют. Полиция повсюду. У бедняков одно лишь право — молчать... Я, мсье, республиканец. Я не могу об этом кричать с колокольни. Но мне этого никогда никто не выбьет из головы. Без Республики — одно горе.

Каменщик из Валенсии

Когда ты хочешь познать чужую страну, оставь свои привычки на границе. Распорядок жизни в Испании совершенно отличен от французского. Едят здесь в два или три часа после полудня и в девять или десять часов вечера. Магазины закрываются на перерыв в два, а открывают их вновь в четыре часа. Здесь вошло в привычку укладываться спать за полночь — в час, два и даже в три часа ночи. Не очень это устраивает тружеников: ведь тот, кто работает на фабрике или заводе, поднимается раньше других. Но этот полночный образ жизни, обязанный климату, жаре, стал привычным. Испанец охотно расстается со своим жильем: здесь зачастую так тесно, а на улице можно подышать благодатным воздухом.

Традиция воскресных и вечерних paseo по-прежнему живуча. Это излюбленная прогулка по бульвару или по главной улице. Болтая, ходят взад и вперед, грызут cacahuates, миндаль, орешки, семечки подсолнуха или зерна chufas — из них готовят прохладительный напиток horchata. Испанцы подолгу засиживаются в кафе, и гарсон никогда не забывает подать поздним посетителям вместе с кофе стакан холодной воды.

Надо сказать и о самих кафетериях. В черте города попадаются кафе на французский манер — большие, а подчас и роскошные. В рабочих кварталах кафе уступают место обыкновенному бару, а чтобы быть более точным, необходимо употребить типичное его название — bodega (подвал, заставленный маленькими и большими бочками), или taberna.

Таверна—это длинный коридор, занятый в основном стойкой. Здесь очень мало столов и стульев, а чаще они и вовсе отсутствуют. Мужчины (здесь встречаешь больше всего мужчин) приходят сюда, чтобы постоять у стойки — деревянной или покрытой листом оцинкованной жести. Позади нее несколько полок, заставленных бутылками, и штабеля бочек. Здесь больше всего пьют вино, пиво, спирт.

На стойке выстроились в ряд aperitivos. Эти «веселящие глотку» напитки кажутся туристам забавными и смачными. Tapas — совсем небольшие порции закусок — подают и холодными и горячими. Очень приятный на вкус жареный кальмар, колечки золотистой рыбы, свежие или поджаренные лангусты, все сорта маслин, las banderillas — деревянные палочки, на которые нанизаны ломтик ветчины, намек на хлеб, тончайший кружок chorizo (колбаса, приправленная перцем) и четверть круто сваренного яйца. Вам подадут также и cazuela — небольшое блюдо с горячей рыбой, крохотную тарелочку съедобных ракушек, маленький вертел с мясом.

Все это очень славно разжигает аппетит. Шумная таверна вся в дыму, часто плохо освещена. Нагромождение бочек, витрины с едой придают ей этакий добродушный, приветливый, симпатичный облик. Здесь спорят, состязаются в cante flamenco — пении народных андалузских песен. Признаюсь, что я провел там, наблюдая, немало часов и без труда завязывал знакомства.

Только мне все казалось, что вкусные aperitivos—это лишь один из способов обмануть голод, спровадить в тартарары обед. И вкусные tapas — это совсем не закуска, а основная еда. Глагол tapar — не означает ли он в переводе «закрыть», «прикрыть»? Закрыть аппетит!

Однажды вечером в Валенсии я разговорился с одним каменщиком. Это было в таверне в одном из отдаленных кварталов. Человек стоял, опершись о стойку рядом со мной. Он казался дряхлым, вид у него был утомленный. Вылинявший берет покрывал его седые волосы. Он курил сигареты «Идеал» в розовой обертке — самые недорогие и самые крепкие из черных табаков. Кабатчик суетился около своих бочек. Было очень людно, шумно и накурено. Я разглядывал бочку с наклейкой combinado (смешанное).

— Эй! — сказал мне, улыбаясь, хозяин. — Смесь, которую я сам приготовляю из обычного вина и белого, не очень дорога.

Рабочий рядом со мной пил, вероятно, combinado. Я вступил с ним в разговор.

Он рассказал мне, что по профессии он каменщик, ему пятьдесят лет. День сегодня выдался не из легких. Он решил немножко рассеяться, зашел выпить стаканчик перед сном. Пятьдесят лет! Я бы, не задумываясь, дал ему на десять — пятнадцать больше. Худое, плохо выбритое лицо, почти беззубый рот. Сколько же часов он отработал сегодня?

— Добрых десять, сеньор!

И он стал рассказывать о большом здании, которое строит в незнакомом мне квартале.

— И сколько вы получите в день?

— Двадцать семь песет на круг за все десять часов. Ровный счет.

Я не мог сдержать удивления и покачал головой. Хозяин наклонился ко мне и объяснил, что случаются изредка заработки посолиднее у рабочих этой же профессии: 35 песет и даже больше может получить опытный каменщик.

Но человек, который стоял рядом со мной, повторял: 27 песет. Он заработал за свой день 27 песет. Только что я купил пачку сигарет, несколько газет и уплатил 25 песет.

Двадцать семь песет! Кило хлеба — 8 песет.

Стоящие по соседству вмешиваются в разговор:

— Э, кабальеро, в Испании зарабатывают очень мало. Рабочий получает совсем мало. А служащие имеют тысячу — тысячу пятьсот в месяц.

— А школьные учителя?

Кто-то засмеялся:

— Вы не знаете испанскую поговорку? «Беден, как школьный учитель...»

— Я...— сказал другой,— я приехал с юга, я из Севильи. Представьте себе, что я знал девушку, которая зарабатывала сто песет в день! Ей было всего семнадцать лет.

— Что ты болтаешь! Это неправда!

— Нет, это правда. Сто песет в день на фабрике консервированного перца. Только ее заставляли работать по семнадцать часов в сутки. И она свихнулась. Теперь она в сумасшедшем доме.

Я спросил:

— А сколько зарабатывает гарсон в кафе?

— Свои восемьсот — девятьсот песет он имеет в месяц.

— А сельскохозяйственный рабочий?

— Тридцать песет в день, сеньор! В Испании не разбогатеешь от работы.

Они смеются. Это худые, высокие, плохо одетые люди. Я думаю о пресловутой трезвости испанцев. Эти трезвы силой. Эти живут голодом.

Я гляжу на пожилого каменщика. Он заговорил со мной первым. Вопрос, который я хочу задать ему, обжигает мои губы. Но в какой-то удобный момент мне все же удается спросить его:

— Скажите, вы умеете читать? Писать?

Он хмурит брови, и тотчас же я слышу в ответ:

— Нет, сеньор.

Он никогда не посещал школу. Всю жизнь он работал. С самого детства. Он хорошо знает, что Республика интересовалась школами, но ей не дали заняться до конца грамотой. Нет, он не умеет ни читать, ни писать.

Тихая, мягкая ночь. Волны неона захлестнули центр города. Теплый ветер шевелит кроны пальм на площадях и темную листву апельсиновых деревьев. В кафе сидят элегантные пары. Спит уэрта вокруг Валенсии — несказанно богатая, щедрая земля.

Перевод с французского
Э. и А. ЛАЗЕБНИКОВЫХ.

Продолжение следует.

Демонстрация безработных перед зданием парламента в Оттаве.

ИЗНАНКА „КАНАДСКОГО ЧУДА"

«В Торонто — голод!» — такой аншлаг через всю первую страницу дала крупнейшая буржуазная газета Канады «Торонто дейли стар».

Что случилось в Канаде, в стране «экономического чуда»? Ведь совсем недавно буржуазные социологи писали о Канаде как о государстве, вставшем на исключительный путь развития. Канада, заверяли они, никогда не будет знать кризисов, безработицы, нужды и голода.

Что же стряслось с этой страной? Может быть, ее постигло стихийное бедствие и погиб весь урожай на знаменитых хлебных полях?

Нет, ничего подобного в Канаде не произошло. Урожай был хорошим, на элеваторах лежат миллионы тонн отборной пшеницы, которую не удается продать другим странам. Тем не менее слово «голод» все чаще раздается в рабочих кварталах. В Торонто и других промышленных городах Канады перед зданиями различных благотворительных учреждений и миссий с раннего утра выстраиваются длинные очереди. Изголодавшиеся безработные и их дети ждут, когда откроются двери и их облагодетельствуют миской супа. По подсчетам должностных лиц, работающих в благотворительных организациях города Торонто, число обращающихся за помощью нынешней зимой увеличилось **в пять раз**, причем все это по преимуществу жертвы растущей безработицы.

В декабре прошлого года напуганное нарастанием безработицы правительство Дифенбейкера приняло решение о созыве чрезвычайной сессии парламента, чтобы на ней обсудить проблему безработицы и принять срочные меры. Парламент приступил к обсуждению этого вопроса. Депутаты произносили длинные, утомительные речи, в которых пытались обвинить консервативное правительство в создавшемся положении. Но от всего этого шума ничто не изменилось. Армия безработных продолжала расти во всех провинциях страны, а количество голодающих увеличивалось с каждым днем.

По официальным, далеко не полным данным, армия безработных в Канаде к апрелю нынешнего года достигла 750 тысяч человек, что составляет 11 процентов от численности всей рабочей силы страны. Такого уровня безработицы Канада не знала на протяжении всей своей истории.

Выступая во время последней избирательной кампании, премьер-министр Дифенбейкер торжественно обещал полностью ликвидировать безработицу в Канаде, если возглавляемая им консервативная партия придет к власти. Теперь канадский премьер вовсю старается снять ответственность со своей партии и с себя лично, обвиняя во всем предшественников-либералов. Пытаясь успокоить канадских граждан, он не нашел ничего лучшего, как напомнить, что в Соединенных Штатах Америки безработица приняла еще более ужасные масштабы.

О том, как живут канадские безработные, рассказывает известный журналист Маккензи Портер в журнале «Маклинс», издающемся в Торонто. В Канаде, пишет он, второй по богатству стране капиталистического мира, триста тысяч мужчин, женщин и детей живут в нищете. Они получают нищенские подачки от муниципальных властей или благотворительных организаций и находятся поистине в отчаянном положении.

Торонто, отмечает Маккензи Портер, олицетворяет собой «канадское процветание». Здесь и пособие для нуждающихся — самое высокое в стране — 48 долларов в месяц. Как же живут люди на «самое высокое пособие»?

Примерно половина уходит на оплату квартиры, и еще значительная часть — на покупку угля для отопления. Я, пишет канадский журналист, видел людей, привыкших к тому, что в доме нет ни единого гроша и ни крошки хлеба. Дети часто не ходят в школу, потому что у них нет обуви и одежды.

Работник торонтовской ассоциации по оказанию помощи бедноте Мэри Джюри заметила: «Если семья однажды дошла до нищенства, то она раз и навсегда остается в безвыходном положении. Вид плохо одетого, оборванного человека настраивает против него при поступлении на работу. Часто он не имеет средств на оплату проезда, чтобы искать место. Десять центов за звонок из телефонной будки или стоимость почтовой марки — непосильная нагрузка для его бюджета. Из-за просрочки оплаты счетов в таких семьях выключают газ и освещение. Из квартиры вывозят мебель, взятую в кредит. Она превращается в холодную, устрашающую лачугу».

Маккензи Портер подробно рассказывает о молодой супружеской чете Харниш, живущей на чердаке: в канун Нового года супруги остались без всяких средств и несколько дней подряд не имели даже куска хлеба.

Большим потрясением явилась потеря работы для Гордона Изарда, проживающего с женой и шестью детьми в развалившемся доме на Пальмерстон-авеню. Проработав пятнадцать лет на резиновом заводе «Гуттаперча», он год назад лишился места. Половина помощи по безработице уходит на оплату жилья. Четверо детей школьного возраста не имеют одежды.

Питеру Ридеу из Ньюфаундленда всего 39 лет. Во время второй мировой войны он плавал на военных судах между Канадой и Мурманском. Два года тому назад паромная служба в городе Виктория уволила его. Отчаявшись в надежде получить работу, Питер Ридеу поселился в доме для нищих — в Сетон-Хаузе.

Преждевременно состарившийся Уолтер Каспер Роквуд не имеет работы уже семь лет. «Хозяева не нуждаются в рабочих, если им больше сорока пяти лет»,— с горечью говорит он. Роквуд питается только один раз в день, отстояв в очереди к дверям благотворительной миссии. Этот пожилой человек, как видно, привык терпеть. «В моем возрасте человеку надо очень мало, — сказал Роквуд журналисту Портеру. — Но, поверь, мне очень бы хотелось иметь настоящую работу».

Однобокое развитие экономики, в которой господствующая роль принадлежит американским монополистам,— вот в чем причина глубоких потрясений для Канады. Привязав себя к военной колеснице США, Канада вместе с американской экономикой катится вниз. Промышленное производство Канады в конце прошлого, 1960 года упало на 4 процента по сравнению с концом 1959 года, число обанкротившихся увеличилось за это же время на 15 процентов.

Известный канадский экономист Уолтер Гордон, который несколько лет тому назад возглавлял специальную комиссию, недавно писал в «Торонто дейли стар»: «Я не знаю другой страны в мире, во всяком случае, страны с равным Канаде экономическим уровнем, промышленность которой в такой же степени контролировалась бы извне. Мы должны немедленно изменить положение вещей, если мы действительно хотим остаться независимой страной североамериканского континента».

В Канаде ширится движение за пересмотр внешнеполитического курса правительства. Оно уже охватывает не только профсоюзные массы, но и влиятельные круги канадской интеллигенции, в нем принимают участие видные политические деятели Канады. С этим поднимающимся движением не может не считаться ни одна политическая партия страны.

С. ДМИТРИЕВ

Он приехал в Канаду, поверив в «экономическое чудо». На транспаранте написано: «Где твоя справедливость, милосердие и равенство, Канада? Я не нашел их».

Семен КИРСАНОВ

Новые стихи

НЕБО

Я прочел, что каждые три тысячи лет растения выделяют столько кислорода, сколько его содержится во всей земной атмосфере.

И посмотрел на Землю с неба,
и увидал, что небо — это
сама Земля
в одежде света
и в облаках дождя и снега.

Что и оно — земное чудо
и не явилось ниоткуда,
а ею создано
самою —
планетой, Родиной, землею.

И не на звездах,
не на звездах
нам создавали синий
воздух,—
морями, травами, лесами
мы небо сотворили сами.

От первой клетки до секвойи,
от мха полярного до хвои —
мы настилали
слой за слоем
все это небо голубое!

И ты, кольцовский русый
пахарь,
немало отдал
дали синей,
когда в заплатанной рубахе
тащился пашней-десятиной.

И тот, кто деревце поставил
дышать листвой на этом
свете,—
тот неба чистого
прибавил
своей сияющей планете.

Я, на ракете ввысь
поднявшись,
тебя увидел наконец-то,
о небо,
о творенье наше —
всей жизни на Земле
наследство!

ЧАСЫ

Я думал, что часы — одни!
А оказалось,
что они —
и лужицы, и океаны,
и карлики, и великаны.

И есть ничтожные века,
ничтожней малого мирка,
тысячелетья-лилипуты,
но есть
великие минуты,

и только ими ценен век,
и ими вечен человек,
и возмещают в полной мере
все дни пустые,
все потери.

Я знал такие — я любил.
Я ни секунды не забыл —
секунды
в мир величиною,
за жизнь изведанные мною!

И разве кончилось Вчера,
когда Ильич сказал:
— Пора!
Нет, годы Ленина все шире
и наступают во всем мире.

И так повсюду. Знает мир
часы карманов и квартир,
и те — бессрочного вращенья —
часы Шекспира,
часы Эйнштейна.

Внук Белинского

Несколько лет тому назад в Греции умер внук В. Г. Белинского, Владимир Георгиевич Бензис. Он был сыном Ольги Виссарионовны, дочери великого критика, которая в молодости вследствие слабого здоровья принуждена была уехать с матерью на юг, сперва в Италию, а потом на остров Корфу. Здесь в 1873 году она вышла замуж за молодого грека, родом из Эпира, Георгия Бензиса. Родившиеся в конце 1870-х годов ее два сына, Евгений и Владимир, в детстве часто гостили в Москве у своей русской бабушки, Марии Васильевны, жены Белинского. Оба хорошо владели русским языком. Впоследствии Евгений стал инженером, а Владимир медиком. В сентябре 1925 года профессор В. Г. Бензис в числе иностранных делегатов присутствовал на праздновании двухсотлетия Академии наук СССР в Ленин-

граде и Москве. Он был крупнейшим терапевтом, руководителем кафедры в Афинском университете.

В. Г. Бензис гордился своим гениальным дедом, хорошо знал его сочинения. По просьбе познакомившегося с ним в Афинах Димитра Шишманова Бензис написал воспоминания о своем деде и бабке для болгарской газеты «Литературен глас», где они были напечатаны в начале 1940 года. Воспоминания полностью публикуются в шестом номере «Нового мира».

В. НЕЧАЕВА

В. Г. Бензис.

ДОЖДЬ

Марк ШЕХТЕР

Голубые клочья тают,
И лицом темней река,
Над лесами пролетают
Дождевые облака.

Миг придет — и над вселенной,
Над простором нив и рощ
Он ударит, откровенный,
Вертикальный теплый дождь.

Он не вызовет печали,
Людям он необходим...
Вот бы зрелости в начале
Мне бы тоже быть таким!

РАЗВЕДЧИКИ КОСМОСА

Министерство связи СССР выпустило две новые почтовые марки, посвященные советским космическим кораблям-спутникам. На них последние четвероногие разведчики космоса перед полетом Ю. Гагарина — собаки Чернушка и Звездочка. Знаками азбуки Морзе на одной из марок написано: Земля — космос — Земля. Рисовал марки художник И. Л. Левин.

Бор. Григорьев

ТАРАН ВЫХОДИТ ВПЕРЕД

Это случилось в Киеве, на стадионе, вписанном в изумрудное подножие Черепановой горы...

Заканчивался первый день традиционного матча трех команд России (Москва, Ленинград, сборная областей и краев) и коллектива Украины. Выстрел стартера отправил в путь участников бега на 3 тысячи метров с препятствиями, и диктор начал бесстрастно сообщать скорость по кругам.

Как и следовало ожидать, вперед сразу же вырвался Николай Соколов, бегун из Вологды. Ведь это был один из сильнейших бегунов мира, второй призер XVII Олимпийских игр, человек, который вел борьбу с польским спортсменом Кшишковяком. И теперь Николай Соколов явно идет на рекорд. После 1 600 метров он уступает графику рекордного забега Здислава Кшишковяка всего пять десятых секунды. Еще несколько сот метров — и Соколов уже выигрывает в заочном поединке с мировым рекордсменом полторы секунды!

Теперь уже всем ясно, что лишь предел его собственных сил может помешать Соколову, больше никто. Но что это? К Соколову стремительно приближается бегун в светло-зеленой майке. Это молодой украинец Григорий Таран. Только что восемь метров отделяли его от лидера забега, но, когда прозвенел колокол, извещая всех, что пошел последний круг, Таран оказался впереди.

— Плюс четыре секунды! — уже не говорит, а кричит диктор.

Огромный стадион подбадривает бегуна.

— Гриша! Грицько! — несется с трибун.

И вот финиш, последнее усилие — и Таран, сорвав ленточку, устремляется к человеку, который стоит там, в самом конце дорожки, раскрыв объятия. Это Георгий Козлов — спортивный наставник молодого спортсмена. А пока ученик обнимает и благодарит учителя, судьи тщательно, не торопясь, сверяют хронометры. И вот наконец становится известным результат победителя: Григорий Таран пробежал 3 тысячи метров с препятствиями за 8 минут 31,2 секунды. Это на две десятые секунды лучше рекорда Кшишковяка.

Так в строй сильнейших легкоатлетов страны вошел еще один спортсмен. Григорий Таран уже в школе начал увлекаться бегом, а затем поступил в Киевский институт физической культуры. На этой дорожке, где он установил свой мировой рекорд, пять лет назад Таран встретился с человеком, ставшим его тренером,— Георгием Козловым. Сперва молодой спортсмен готовился к выступлениям на средних дистанциях, но выше второго разряда здесь подняться не мог. Успех его ждал на длинных дистанциях, где Таран проявил необыкновенную выносливость и замечательную силу воли. Мастером спорта Таран стал в беге на 3 тысячи метров с препятствиями. Он принял участие в том забеге, где Кшишковяк в борьбе с Соколовым установил свой мировой рекорд.

Всю минувшую зиму Таран и Козлов упорно готовились к новому спортивному сезону. Это было не так просто: ученик был по горло занят в институте, а учитель, который известен как солист Государственной капеллы бандуристов УССР и студент вечернего отделения Киевской консерватории, пропадал на репетициях.

Но вот все препятствия остались позади. Молодой спортсмен Григорий Таран установил мировой рекорд.

Юр. ВАНЬЯТ

Киевские болельщики чествуют молодого рекордсмена, своего земляка.

Фото Л. Бородулина.

33 ФИГУРЫ

Евг. ВАСИЛЬЕВ

И стремительная скачка, и кавалерийский кросс, и преодоление всевозможных препятствий могут показаться труднее грациозных фигур манежной езды. Такое впечатление обманчиво. Управляя скачущим конем или посылая его на барьер, всадник использует лишь врожденные способности животного бегать и прыгать. А вот для того, чтобы выполнить программу упражнений в манеже, наездник должен привить коню совершенно новые навыки. Однако главная трудность еще не в этом.

Каждая фигура должна быть проведена с безукоризненной точностью. Малейшее уклонение от установленных требований карается штрафными очками. Вот почему манежную езду называют еще и высшей школой верховой езды.

В этих соревнованиях успешно выступает советский спортсмен Сергей Иванович Филатов. Его путь спортсмена начался, пожалуй, еще в мальчишеские годы, когда маленький Сережа гонял на родной Тамбовщине колхозных лошадей в ночное. Многое дали Филатову учение в офицерской кавалерийской школе, затем — армейская служба. Увлекаться манежной ездой Сергей Иванович начал уже после того, как хорошо овладел самыми разнообразными видами конного спорта. Именно поэтому Филатов и добился успеха в высшей школе верховой езды, сумел стать чемпионом страны. Но не за горами были уже олимпийские игры.

В 1958 году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке он увидел жеребца Абсента из Луговского совхоза Казахской республики. Это был стройный, подтянутый ахалтекинец с тонкой горделивой шеей и точеной головой. Масть у Абсента — вороная, оттененная белыми бабками и такой же звездочкой на лбу. Изумительной красоты конь! И возраст подходящий — всего шестой год.

Вскоре Абсент начал ходить под филатовским седлом. Разве расскажешь здесь о всех трудностях каждодневных и многомесячных тренировок?

Кавалерийский манеж — четырехугольник размером 60 на 20 метров. Он размечен пятнадцатью точками, имеющими буквенные обозначения. То через эти точки, то на определенных удалениях от них спортсмен и должен выписывать копытами коня геометрически строгие фигуры высшего кавалерийского пилотажа. Но если бы строгость ограничивалась одной лишь геометрией!

Вот Филатов въезжает в манеж и через тридцать метров останавливает коня на точке «Х», откуда полагается приветствовать судей. Абсент обязан стоять, не шелохнувшись, как вкопанный. А ему вдруг захочется мотнуть головой или переступить ногами! За такую вольность с самого же начала придется расплачиваться штрафными очками. Первый же элемент программы надо повторять на тренировках до тех пор, пока Абсент не научится стоять с неподвижностью коня Юрия Долгорукого на Советской площади.

В программе — несколько фигур, показывающих езду на различных аллюрах. Они выполняются не только по строгому регламенту, но и в труднейших вариантах. Большого мастерства от всадника и большой выучки от лошади требует, например, собранная грациозная рысь укороченным шагом, называемая «пассажем». Нелегко было добиться от Абсента и смены ног на галопе. Очень труден «серпантин». Абсент должен двигаться одновременно и вперед и вбок, то вправо, то влево. А пируэты? Надо заставить коня выполнить полный круг, опираясь на задние ноги и делая крупные шаги передними. Пожалуй, самая трудная фигура — это «пиаффе»: конь стоит на месте и четко, ритмично отбивает копытами рысь.

Всех фигур в программе олимпийских соревнований тридцать три. Они должны выполняться в определенном порядке, без пауз, смыкаясь между собой и образуя единую ткань. Мало сделать каждый узор, каждый завиток этого кружева правильным, надо еще, чтобы они выглядели красивыми, изящными. Все пойдет на судейские весы: и осанка всадника, и поступь коня, и стиль, и темп.

Абсент успешно завершил высшее образование. Недаром Сергея Филатова называли профессором верховой езды. Но в чем мастерство наездника? Каким образом подчиняет он своей воле малейшее движение коня?

Конечно, Филатов артистически владеет и поводом, и шенкелями, и шпорами, умеет чуть заметным наклоном собственного тела «посылать» Абсента в нужном направлении. Но не в этом сильнейшая сторона таланта Сергея Ивановича. Как никто другой, постиг Филатов искусство создавать своего рода взаимопонимание с четвероногим партнером. И наградой Филатову стали успешные выступления на нескольких международных соревнованиях.

За рубежом уже начали говорить о Сергее Филатове как об одном из претендентов на золо-

---

Ох, весна!

Лариса ПИСЬМЕННАЯ

Рисунок Ю. Черепанова.

Весна...

Она начинается сразу за порогом ослепительной длиннущей лужей перед крыльцом, пронзительным гамом воробьиной стайки, нетронуто-белой пеной черемухи, которая ночью неожиданно и почти вся расцвела. Она начинается сладкой тревогой в сердце...

Наталка наклоняет к себе гибкую ветку черемухи, любуясь, погружает лицо в душистую кипень. Сломать? Жалко... Пусть цветет: ведь и для черемухи наступила весна.

У самой почты Наталка нагоняет Ивана Федоровича — старого, хорошо известного всему Наддніпрянску почтальона. Наталки еще и на свете не было, когда он уже разносил людям вести о радости и горе, поздравления с праздником и последние новости Большой Жизни... Старик уверяет, что даже с завязанными глазами свободно может пройти по знакомым улицам Надднепрянска и не перепутать корреспонденции.

Корреспонденции в ее ящике сегодня порядочно. Наталка разбирает почту и каждый раз тайком поглядывает на Ивана Федоровича, что-то хочет сказать и никак не решится. Старик уже нагрузил свою сумку и направился к выходу. Девушка бросается наперерез и останавливает его в дверях.

— Иван Федорович, давайте мне Рыбацкий переулок, я сама там разнесу.

— Гм...— Старый почтальон шевелит поседевшими казацкими усами и лукаво прищуривается.

— Опять в Рыбацкий?.. И чего это тебе, девушка, там полюбилось?

Наталка краснеет, как маков цвет.

— Мне почти по дороге! Ну что тут такого? Я просто хочу вам немного помочь, а то вы...

Вот и Наталкина сумка нагружена. Отдельно она откладывает пачку для Рыбацкого переулка и отправляется в путь.

Может, сразу понести туда? Нет, еще слишком рано. Лучше позже, напоследок, тогда у нее будет свободное время и, как знать, может, ей улыбнется судьба?

— Эй-эй, Наталочка!

Это Юра. Наталка останавливается и, щурясь от солнца, подымает голову. На фоне бездонного неба, перечеркнутого стрелкой башенного крана, стена нового пятиэтажного дома кажется зубчатой оградой какого-то чудесного, сказочного дворца. Даже серая, заляпанная цементным раствором Юрина спецовка, его сбитая набекрень смятая кепка и кельма в руке, причудливо озолоченные на солнце, приобретают праздничный вид. Наталка смеется и в ответ машет Юре газетой.

— До вечера! — кричит Юра. — Я зайду за тобой.

— Заходи, если хочешь, — откликается Наталка.

Рыбацкий переулок небольшой. Наталка быстро разносит почту. Остаются только две газеты — в тот дом. Две чудесные газеты — пропуск к возможному счастью.

Но как назло, на дверь нарядного каменного домика под номером девять чья-то недобрая рука повесила металлический ящик. Ящик окрашен в такой кричащий ярко-синий цвет, что не заметить его невозможно. Все пропало, придется опустить газеты в прожорливый ящик...

Наталка мрачно подымается на крыльцо и с горьким упреком смотрит на ящик. И кто их выдумал? И раньше не любила бросать почту в мертвые ящики, не видеть человеческих лиц, которым она приносит новости, а теперь... теперь это просто издевательство!

И все-таки газет она не опускает, а, пугливо оглянувшись, не заметил ли ее кто-нибудь, быстренько сбегает с крыльца и подходит к калитке. Разве не могла она войти во двор, не заметив почтового ящика? Конечно, могла!

Гостеприимно помахивая хвостом, ее встречает Веста, роскошная, выхоленная овчарка. Наталка сроду не боялась собак, они любят ее и никогда не трогают. Но было бы лучше, если бы сейчас Веста напала на нее: может, тогда бы из дому вышел Аркадий...

тую медаль приближающейся олимпиады. Но сколько у него будет соперников! Неоднократный олимпийский чемпион швед Хенрик Сен-Сир... Прекрасные манежники олимпийский призер швейцарец Густав Фишер и его соотечественник Шаммертен, немец Некерман да и другие самые опытные, самые искушенные мэтры высшей школы верховой езды...

Незадолго до отъезда в Рим советские спортсмены услышали и новое имя: Патриция Гэлвин. Эта молодая американка, дочь миллионера, не поскупившаяся пригласить в тренеры самого Сен-Сира, заняла на предолимпийских соревнованиях в Гамбурге первое место.

Да, время последних ожиданий и прогнозов промчалось быстро. Вот уже и Рим, окруженный трибунами манеж Виллы Боргезе, заключительные дни XVII олимпиады...

По жребию Филатов появился на манеже восьмым. Он не знает результатов выступавших перед ним Сен-Сира, Шпрингера, Гэлвин и других. Ведь количество очков, набранных спортсменами, пока не объявляется. Он не может судить о том, как удаются ему фигуры, и по аплодисментам зрителей. Ведь публике строжайше запрещено громко выражать свое одобрение, чтобы не испугать коней. Но он спокоен, уверен, этот советский спортсмен в безупречно сшитом фраке и лоснящемся цилиндре. Его великолепный конь, словно бы по собственной охоте, четко, легко и красиво меньше чем за двенадцать отведенных для этого минут выполняет все упражнения программы.

И только, когда выполнена последняя, 33-я фигура и всадник покидает манеж, грохот рукоплесканий проносится по трибунам.

Из семнадцати участников соревнования судьи отобрали для финальной «переездки» пятерых: Фишера, Некермана, Сен-Сира и двух советских спортсменов: Филатова и Калиту. Класс финалистов был настолько высок, что для уточнения их преимуществ друг перед другом вся «переездка» впервые в истории олимпийских игр была заснята на кинопленку. Только после ее просмотра судейская коллегия объявила, что самый лучший, самый первый наездник мира, достойный золотой медали,— это Сергей Филатов. На втором месте — Густав Фишер. В первой пятерке оказался и Иван Калита.

На Западе соревнования по высшей школе верховой езды считаются самым аристократическим видом спорта. Это не случайно! Они ведь доступны немногим. Но у нас, в Советской стране, нет «аристократических» видов спорта. У нас давно уже теннисом занимаются шахтеры и колхозники и на яхтах ходят металлурги и рыбаки. Широко открыты для всех и двери конных манежей. Чистокровные кони — в распоряжении студентов и рабочих, офицеров и школьников. Не случайно школа высшей верховой езды включена в программу Спартакиады народов СССР.

Олимпийский чемпион заслуженный мастер спорта С. И. Филатов на Абсенте.

Фото А. Вочинина.

— Тубо, Веста!

Это из раскрытого окна дома выглядывает Аркадий. Стройный, широкоплечий, буйные кудри волною вздымаются над ровным лбом. А брови! Тонкие и темные, вразлет, крыльями взметнулись над синими глазами. Если б можно было вот так стоять и смотреть, всю бы жизнь, кажется, простояла, взгляда бы не оторвала!

— Здравствуй... те,— еле слышно здоровается девушка, чувствуя, как пылают ее лицо, шея, уши.

— Здорово, Натка. Ты что, теперь у нас разносчик?

— Нет, это я временно... Иван Федорович попросил,— догорает Наталка.— Вот, возьмите ваши газеты.

Аркадий берет газеты и небрежно бросает их куда-то позади себя. Теперь нужно уходить, но ноги сами приросли к земле. Наталка зачем-то обыскивает сумку.

Снисходительно улыбаясь, Аркадий смотрит на встревоженную девушку. Конечно, он все видит, обо всем догадывается и, наверное, думает: «Ну чего ты торчишь, недотепа? Поворачивайся и уходи».

— А вы... все в институт готовитесь? — с усилием переводит дыхание Наталка.

Брови-ласточки небрежно ломаются.

— Чудачка! Людям газеты разносишь, а сама, должно быть, ни в одну не заглядываешь. Теперь готовиться в институт все равно, что воду в ступе толочь. Жизнь понимать надо!

Наталка потупилась. Понятно, газет она читает маловато: пока закончишь вечернюю разноску, только-только успеешь подготовить задание и бежать в вечернюю школу. А тут еще и выпускные экзамены надвигаются, проклятущая тригонометрия и по ночам снится...

— Так вы же второй год готовились. Возможно, все-таки поступили бы?

— И не подумаю!..— раздраженно цедит Аркадий.— В институт! Нет дурных!

Наталка виновато вздыхает.

— Так что вы теперь будете делать?

— Я? — Аркадий вскидывает волнистыми кудрями.— Да уж не над книгами корпеть, хватит с меня. Теперь у меня более широкие планы! Думаю, вскоре и обо мне кое-что услышите.

— Вы будете работать? — Она не может скрыть своей радости: Аркадий останется в городе! — Тут у нас стало так хорошо...

— Тут? В нашей Жабокряковке? Ой, насмешила! Премного благодарен! Почту вместе с тобой разносить?

— Почему же почту?..

— Здесь от тоски повеситься можно. Скоро уеду.

Наталка торопится домой и снова думает об Аркадии. Не может она не думать о нем! Конечно, напрасны были ее ожидания, что такой парень да останется в Наддншепрянске. Наверное, он уедет на какую-то гигантскую стройку... Что ж, теперь такое время!

А с какой радостью она бы уехала за ним куда угодно, хоть на край света, только бы он словечко ей сказал! Да разве он того захочет? Зачем она ему!..

На Советской людно, по вечерам тут всегда гуляет много молодежи. Гуляет и Аркадий с этим гривастым с усиками да еще с двумя незнакомыми Наталке девушками. Наталка ревниво оглядывает девушек. Ишь как разоделись — с головы до ног в капроне! Право, она сгорела бы от стыда, если бы вот так вся насквозь просвечивала. Ни одна из них недостойна Аркадия, куда им, раскрашенным!

Встретившись с Аркадием взглядом, Наталка нерешительно улыбается ему. Но Аркадий ее не замечает: он чересчур занят разговором с гривастым.

Крепко стиснув маленькие, по-детски пухлые губы, чтобы не дрожали, девушка бегом сворачивает на свою улицу.

Никогда-никогда больше не пойдет она в Рыбацкий переулок, даже если сам Иван Федорович попросит!

У ее дома, под воротами, на низенькой скамейке уже сидит Юра. Скуластое, загорелое лицо Юрки с выцветшими от солнца широкими бровями и обгоревшим носом сияет радостной, простодушной улыбкой.

— А я тебя жду.

— Почему так рано? — хмурится Наталка. Но на самом деле она рада. Все-таки легче, когда тебя хоть кто-нибудь ждет.

— Разве рано? — смущается юноша.— А я того... я хотел... Ты тригонометрию уже сделала?

— Когда я успела? Видишь, только с работы.

— Вот и замечательно! Я помогу тебе... Чего ты, Наталочка? Что с тобой?

Она молча прячет лицо в маленькие обветренные ладони.

Юрка тяжело вздыхает.

— Ну, не надо. Слушай, что я тебе скажу... А что будет, если я... ну... сам пойду к нему и поговорю? Хочешь? Он, наверное, ни о чем не догадывается.

— Нет-нет, не смей этого делать! — перепуганно встрепенулась девушка.— Он обо всем догадывается. Только что с того, когда я для него совершенно лишняя?

— Ты лишняя? — возмущается Юрка.— Как же это может быть, чтобы ты была лишней? Да я бы на его месте!..

— Ты знаешь, он собирается отсюда уезжать!

— Да что ты, вряд ли,— утешает Юрка.— Куда он от папаши уедет? Не бойся, останется тут.

— Нет, уедет, он сам мне сегодня сказал. И пускай, пускай едет! Пускай! Может, мне легче станет, если не буду видеть его.

— Ну, не плачь, успокойся, Наталочка... И зачем ты плачешь?

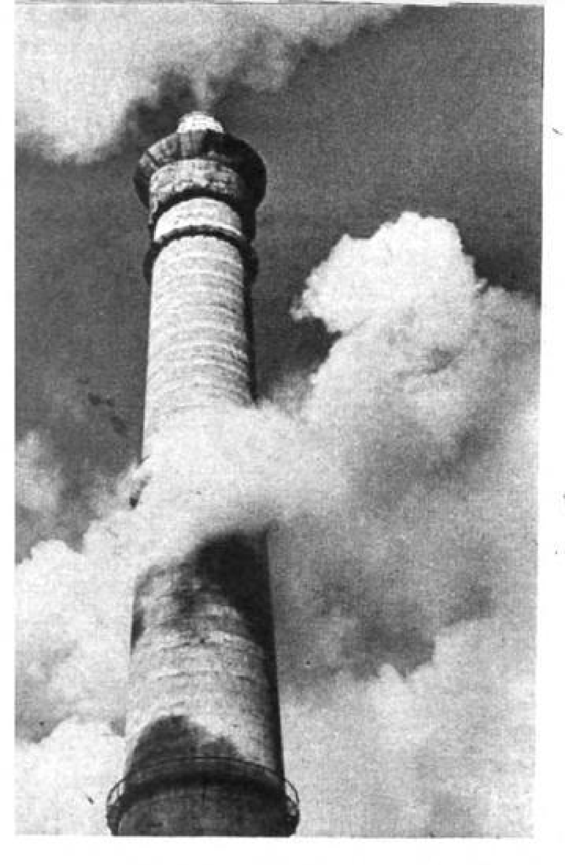
— Я плачу... я плачу потому, что нет мне счастья.

Резкая жалость к себе с новой силой охватывает девушку. Она не знает, что счастье ее вот тут, рядом с ней...

На низких, альтовых нотах гудят над головой жуки. В вечерних сумерках белеет душистое кружево расцветшей черемухи.

Весна!.. Ох, весна!..

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

Высота этой дымоходной трубы — 150 метров.
Фото Б. Кузьмина.

Прыжок в поднебесье

Я. МИЛЕЦКИЙ

Каждый прыжок требует разбега. Тем более прыжок... на полукилометровую высоту. А именно такой высоты будут новые антенны башни Московского телевизионного центра — 520 метров. Она станет самым высоким сооружением в мире.

Никогда еще человек не работал на такой головокружительной высоте. И чтобы взобраться на нее, нужен, конечно, разбег. Вот почему вначале речь пойдет о железобетонной дымовой высотной трубе, которая сооружается на районной электростанции в городе Сталиногорске.

Некогда на промышленных предприятиях строили дымовые трубы высотой в 20—50 метров. Потом, заботясь о чистоте воздуха, их возводили до ста метров. Теперь строятся в 180 метров, проектируются на 220 и даже 250 метров.

Появился немногочисленный, но отважный отряд строителей высотных труб.

А когда было решено возвести в Москве новую телевизионную башню, создали курсы для подготовки железобетонщиков-высотников. На курсах было 35 учеников. Молодые, крепкие, они прошли строжайшую медицинскую комиссию. Им так и сказали: «Вы будете, как саперы на войне: ошибаться нельзя!»

Изучив теорию, а это, говорят, им было нетрудно: у всех среднее образование, — рабочие разъехались на практику в разные районы страны. Уехали с ними и шесть инженеров, окончивших Московский инженерно-строительный институт.

И начался разбег.

Владимир Цирульников, Григорий Шаров и Борис Мамсуй поехали в Сталиногорск. Сталиногорская ГРЭС видна издали, как на ладони. Две высотные трубы упираются в небо.

Большими буквами надпись: «Опасная зона. Проход категорически запрещен». Здесь строится труба. Нужно высоко закинуть голову, чтобы окинуть ее взглядом. Рабочие на стодвадцатипятиметровой высоте отсюда кажутся совсем маленькими. Они укрепляют решетку на узенькой площадке, устанавливают светофоры, красный свет которых будет предупреждать самолеты об опасности.

В бригаде прославленного Дмитрия Мироновича Королева работают трое курсантов: Мамсуй, Шаров и Цирульников. Лет восемь назад Королев был завмагом в родном селе. Никто и не подозревал, в том числе и сам Дмитрий, сколько таится в нем рабочей смекалки, сноровки, отваги, пока не стал он высотником, пойдя по стопам своего дяди, старого трубоклада.

О бригаде Королева говорят с уважением. А недавнее происшествие взволновало не только строителей, но и весь коллектив электростанции. А случилось вот что...

Во время сильного штормового ветра сорвало брезентовый купол, прикрывающий вершину строящейся трубы. Полотнище это строители называют «юбкой». Ветер с одной стороны прижимал ее к трубе, а с другой надувал, как парус. Еще мгновение — и налетевший ураган разорвал толстый брезент в клочья. Они полоскались на ветру, каждую секунду могли оборваться и упасть на землю. А внизу, почти под самой трубой, находится открытая подстанция. Если куски брезента упадут туда, авария неизбежна.

Уже много часов ведут люди непосильную борьбу со стихией. Никакими способами не удается прижать полотнище к трубе.

На станции объявлена тревога. Начеку дежурные у распределительных щитов.

Ни первая, ни вторая смены высотников не смогли победить стихию. Измученные люди спускались вниз. На их место поднялась бригада Королева. Порывы ветра достигали десяти баллов.

— Попробуем, — сказал Дмитрий Миронович и предложил свой план, как поймать плещущиеся на ветру куски брезента.

Высотники в то время, когда ледяной ветер грозил сорвать их с вышки, набрасывали на брезент цепи, ловили концы ее крюками. Пронизывающий ветер леденил руки, едкий дым из соседних труб ел глаза.

Сгустились сумерки. Люди продолжали работать в темноте. И вот один конец полотнища пойман. Еще виток троса обернулся вокруг укрощенного брезента. Теперь проще и весь его захватить, связать, скрепить.

Бригаду встретили как победителей. Королев сказал:

— Практиканты сдали экзамен. Славные будут высотники!

Ну, что ж, коль экзамен сдан, пора высотникам на строительную площадку в Останкино, где заканчивается возведение фундаментов, строительство дорог и временных сооружений.

Выбор строительной площадки оказался нелегкой задачей. Район Черемушек и Юго-Запада был отклонен, так как там пролегают воздушные трассы. Остановились на парке имени Дзержинского в Останкине. Но тут другое препятствие — вековые дубы. В споре победили деревья: решили их не рубить. Площадку перенесли на территорию садового питомника, что рядом с парком. Правда, один раскидистый, могучий дуб и здесь встал на пути строителей: когда рыли подземный тоннель, натолкнулись на корни этого великана. Пришлось изменить направление тоннеля, чтобы сохранить ему жизнь.

— А зачем строят тоннель? — задал я вопрос главному инженеру проекта Московской телевизионной башни Борису Алексеевичу Злобину.

— Он предназначен не только для ввода коммуникаций и размещения некоторых технических средств, но и для входа в башню.

Основание башни опирается на десять железобетонных опор высотой в 18 метров. Они-то и создадут вестибюль для экскурсантов. На скоростных лифтах можно подняться на смотровые балконы. Самый верхний — на высоте более 300 метров. Можно ли представить, какое чарующее зрелище откроется глазам экскурсанта?!

В нижней части телевизионной башни расположатся аппаратные, трансформаторные и множество других комнат, занятых сложной современной техникой. Три этажа на высоте трехсот с лишним метров займет, пожалуй, самый высотный в мире ресторан, рассчитанный на 240 мест.

— Сколько же времени продлится путь?

— Подсчитайте: лифт делает пять метров в секунду.

— А можно ли подняться выше?

— Для экскурсантов это предел. Сотрудников лифт доставит по стальной антенне на высоту 460 метров. Дальше они пойдут по лестнице. Кстати, металлическая пожарная лестница протянется во всю высоту сооружения, но вряд ли кто-нибудь согласится пользоваться ею при обычных обстоятельствах: ни больше, ни меньше две тысячи ступенек!

— Не будет ли башня раскачиваться от ветра?

— Едва ощутимо. Сделаны расчеты отклонения вершины антенны при самых сильных ветрах. Расчеты показали незначительное отклонение. Но в такие штормовые дни экскурсантам, конечно, не разрешат подниматься.

— Что можно сказать об инженерных особенностях этого уникального сооружения?

— Башня будет возводиться при помощи специально сконструированного самоподъемного агрегата. Он способен перемещаться по вертикали по мере бетонирования ствола башни. Такой агрегат применяется впервые. Изготовляется он на отечественных заводах. После окончания бетонирования цилиндрической части башни агрегат несколько опустится, и на него установят несущие конструкции антенны. Когда антенна будет собрана, с помощью этого же агрегата ее выдвинут и закрепят.

При строительстве применят много интересных инженерных новинок. Автор инженерной части проекта — член-корреспондент Академии строительства и архитектуры Н. В. Никитин. Авторы архитектурной части проекта — Д. И. Бурдин и Л. И. Баталов.

Постройка уникальной высотной телевизионной башни расширит радиус действия телевизионного центра, значительно улучшит качество приема и позволит в черте Большой Москвы отказаться от применения наружных телевизионных антенн. Останкинская башня — этот прыжок в поднебесье — явится крупной победой советской научно-технической мысли, советских ученых, инженеров и рабочих-высотников.

Бригадир Д. М. Королев.

ВСЕ, ЧТО НАДО ДЛЯ УДОБСТВА ЧЕЛОВЕЧЬЕГО

История одного плаката

Читатели «Огонька» уже знакомы с плакатом «Новые деньги, стоящие твердо, укрепят хозяйство деревни и города», опубликованным в № 1 журнала за этот год.

У плаката своя интересная история, с которой мы и хотим познакомить читателя.

Дело в том, что одного автора плаката установить было нетрудно: стояла подпись М. Черемныха, ныне народного художника РСФСР, действительного члена Академии художеств СССР. А кто написал стихи к плакату? Ведь они сопровождают каждый из шести рисунков.

— Так сразу не припомнишь,— ответил мне Михаил Михайлович Черемных, когда я заговорил с ним о плакате, созданном тридцать семь лет назад.— По-моему, Маяковский.

Это подтвердил также исследователь творчества поэта В. А. Катанян, по памяти назвавший том собрания сочинений Маяковского, в котором опубликованы стихи.

Но были и разночтения. В собрании сочинений стихи озаглавлены: «Буржуй, прощайся с приятными деньками — добьем окончательно твердыми деньгами». На плакате же следующая надпись:

«Новые деньги, стоящие твердо, укрепят хозяйство деревни и города».

В собрании сочинений первая строфа начинается: «Мы хорошо знакомы с совзнаками». В плакате: «Крестьянин хорошо знаком с совзнаками».

В книжном варианте читаем: «Пока до любого рынка дойдешь». В плакате напечатано: «Пока до конного рынка дойдешь».

Из примечаний мы узнали, что стихи Маяковского в марте 1924 года опубликованы в «Бюллетене Прессбюро» и затем перепечатаны в местных газетах. И в конце сказано: «Был ли выпущен этот плакат — не установлено».

Теперь установлено, что издание плаката состоялось. Фоторепродукция его опубликована в новогоднем номере «Огонька», а желающие ознакомиться с подлинником могут посмотреть его в отделе редкой книги Библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Но этим еще не исчерпывается история нашего плаката. В шестом томе сочинений Маяковского, кроме других разночтений, не оказалось и двух стихотворных строк, в которых поэт с присущим ему мастерством описывал мытарства, испытанные крестьянином в пору падавшей валюты. Ни коня купить, ни порадовать жену новым платьем, пока в ходу были «лимарды», ему не удавалось. Но мало того:

Не только не купил
всего, что нужно —
да еще продрался
лаптей дюжина.

Живо, образно, предельно точно. Эти строки Маяковского, содержащиеся в плакате, теперь перейдут на страницы соответствующего тома собрания сочинений поэта.

В первые годы Советской власти наши плакаты называли «цветами революции». Среди них и плакат «Новые деньги, стоящие твердо, укрепят хозяйство деревни и города». Он доносит до нас дыхание времени, становления первого в мире Советского государства и самой устойчивой на земле валюты.

Ю. ЮРОВ

В уголовном деле 29 томов.

ШАКАЛЫ

Заметки из зала суда

Е. ВЕЛТИСТОВ

Подпольного миллионера я видел впервые. Ян Тимофеевич Рокотов, коротенький человечек с брюшком, рассказывал суду о своей жизни. Он говорил плавно, с особым удовольствием произносил слова «капитал», «прибыль», «сделки», «выгода». Он не скрывал своих преступлений перед государством и мимоходом прощал компаньонам долги в десятки и сотни тысяч рублей. Изо всех сил тридцатичетырехлетний бывший миллионер стремился представиться добрым джентльменом и чистеньким купцом. Ни за что на свете не хочет он согласиться, что втянул в свои преступления множество людей, что развращающе влиял на молодежь. «Я просто покупал и продавал, — твердит Рокотов. — Я только больше всех заработал».

Но никто ему не верит. Торговля откровенностью явно Рокотову не удается. За личиной беззаботного охотника за деньгами кроется людоедская хватка, капиталистическая сущность. Для полного ее выявления и идет в Московском городском суде процесс над шайкой шакалов, над спекулянтами-валютчиками.

Мечта о «красивой жизни» не давала Рокотову покоя ни днем, ни ночью. Он объяснял ее так: «Красиво жить — это ничего не делать и иметь много денег». Но жизнь никак не давала выполнить первую часть философской формулы: чтобы не привлекать к себе внимания, Рокотову приходилось день отбывать по месту службы, прикидываться честным снабженцем. Зато с наступлением вечера можно было не глушить в себе инстинкты частного собственника и предпринимателя, пробудившиеся еще на школьной скамье, когда Рокотов спекулировал книгами, марками, фотопленкой. Под покровом ночи на улицу выходил уже не снабженец со скромной зарплатой, а «Косой Ян», денежный человек, скупавший по темным углам у мелких жуликов иностранную валюту. Что поделаешь, даже для этих проходимцев приходилось рекомендоваться то юристом, то астрономом, то кандидатом математических наук, приходилось скрывать от них свою фамилию. Будущие миллионы требовали жертв. Рокотов твердо отказался от курения, алкоголя и позволял себе тратить время только на «дела» и на женщин. Он старался сберечь себя для «красивой жизни», для разведения цветов на двух дачах — под Москвой и в Крыму.

Вот и один из тех, у кого Рокотов скупал валюту: молодой человек с настороженными, бегающими глазами — Владислав Файбишенко. Он защищается на суде сам, часто улыбается и ведет себя вызывающе. Но иногда самоуверенность исчезает, когда слишком непривлекательно вырисовывается его облик. Человек без определенных занятий, он в грязном мирке спекулянтов имел специальность «фарцовщика». Один из подсудимых так объяснил этот род тунеядства: «Фарцовщик — это стиляга в узких брюках, в рекламной рубашке, пристает к иностранцам и ведет в полном смысле слова паразитический образ жизни».

Что ж, сказано весьма самокритично. Добавим, что эта разновидность хищников была деятельна и днем и ночью. Бездельник Файбишенко решил, что радость жизни — в деньгах, и круглые сутки носился по улице Горького, торговал что придется: деньги, часы, нейлон, всяческое барахло. Нахальный молодой человек, расталкивая локтями пестрых соперников с кличками «Бифштекс», «Иконщик», «Будьздоровчик», провел сделок на 1 миллион рублей (старыми деньгами). Валюту он хранил в тайнике в подъезде дома в Подколокольном переулке (тайник нашла гражданка У. Н. Брынько и передала валюту в Государственный банк СССР).

«С целью наживы» — так характеризует суд действия Рокотова. Через его коротенькие, толстые пальцы, которые теребят сейчас шнур микрофона, прошли советские деньги, иностранная валюта, золото на сумму около 12 миллионов рублей. Валюта обменивалась у иностранцев на золотые монеты, которые потом сбывались по спекулятивным ценам. Блеск золота притянул к Рокотову выпускницу театрального института Надежду Эдлис, дочь старого московского валютчика, ее мужа, не желающего работать пианиста Сергея Попова (на их квартире перепродавалась валюта. Коммерческая выгода этого посредничества — строившийся дом под Сухуми, рояль, телевизор, мебель) и других. Последыши старого мира, они не могли не следовать его волчьим законам.

Вот несколько примеров. Бакинский жулик Д. Рзабеков женится в Москве на богатой вдове и крупной скупщице золота М. Л. Жемалевой (ныне Рзабековой), чтобы завладеть ее деньгами. Он достигает своей цели, скрывается в Баку и попутно прихватывает с собой золотые монеты Рокотова. Но как может настоящий купец мириться с потерей 470 тысяч рублей! Рокотов мертвой хваткой вцепился в Эдлис и Попова, посредников его сделки с Рзабековым. Они решают компенсировать пропажу аферами. Нарядив иностранцем Попова, Рокотов передает жадному старику Шницеру вместо золота металлические болванки и забирает у него 200 тысяч рублей, из которых 160 тысяч принадлежали Шницеру, а 40 тысяч были его, Рокотова, деньги, «одолженные» старику на «покупку». В другой раз друзья инсценируют арест Рокотова и оставляют у себя 90 тысяч перепуганной гражданки Б. Х. Резницкой, спекулянтки из Вильнюса.

«Мы мерили деньги чемоданами», — нагло заявляют преступники. Сегодня они за это отвечают. Та же судьба ждет в скором будущем Д. Рзабекова, суд над которым состоится в Баку, и супругов Резницких. Уже наказана компания спекулянтов (среди них — герои фельетонов «Огонька» Ю. Захаров и С. Дубченко), у которых сидящие в этом зале подсудимые скупали валюту.

Да, придется держать ответ неудачным последователям Корейки — братьям Якову и Шалве Announcement Announcement писмедовым, которые вдруг влюбились в золото. Через братьев-спекулянтов монеты Рокотова шли в Тбилиси. И их добровольному курьеру, племяннику Илье Паписмедову, нечего сказать в свое оправдание, кроме того, что «монеты были желтые». А тихая и покорная Мубаширя Ризванова предпочитает сейчас уповать на волю аллаха: она молитвенно складывает руки и устремляет глаза к потолку. Эта неприметная с виду домашняя хозяйка переносила в своей сумке сотни тысяч рублей. В овечьей шкуре — злостная валютчица.

Фирма потерпела крах. Проверив на себе мучения нэпмана Корейки, потаскав по камерам хранения коричневый чемодан — а в нем лежали золото и валюта на сумму в два с половиной миллиона рублей, — Рокотов еще раз доказал историческую непримиримость своего «я» и социализма. Недаром для банки с золотыми царскими монетами он придумал такое оправдание: наследство. Наследник и есть!

Банка эта хранилась на квартире у субъекта по имени Иустин Иустинович Лагун. И не случайно: вся душа этого, с позволения сказать, научного работника была в золотой банке. Не так уж много нагрешил с валютой Иустин Иустинович. Но на процессе всплыли факты, которые нельзя миновать равнодушно.

Поняв, что на бешеные деньги у него не хватит способностей, Лагун сконцентрировал свои усилия на служебной карьере. Он завоевал сердце заместителя директора Центрального научно-исследовательского института строительных конструкций Е. М. Полянской и вскоре оказался главным инженером лаборатории этого института. Возвышенные чувства подкреплялись сделками: Полянская продала через Лагуна Рокотову браслетик с бриллиантами, а сама купила американские доллары.

Как ни странно, Е. М. Полянская работает сейчас главным специалистом в Госстрое РСФСР.

Лагун между тем оправдывал преподанные уроки: за взятку он устроил свою жену Э. П. Лагун на работу балериной в Большой театр.

— Я морально неустойчив, — гнусаво тянет автор брошюр, книжек и кандидатской диссертации, которую он так и не успел защитить. — Я плохо соображаю, — оправдывается, переходя на воровской жаргон, ученый уголовник.

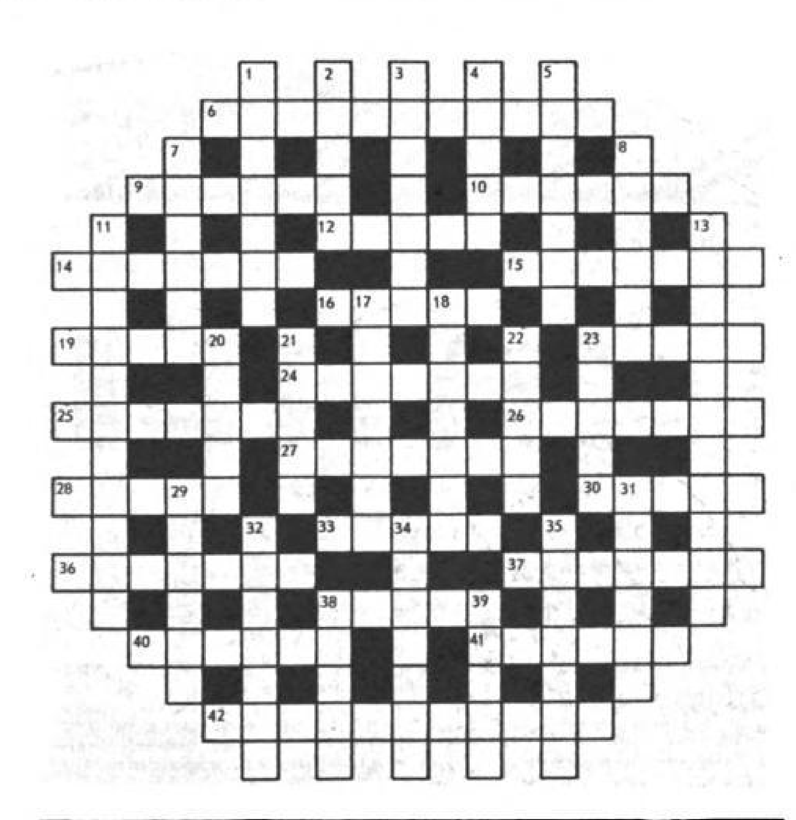
Что, кроме чувства омерзения, может вызвать такой Иустин Иустинович!

Острые, неожиданные вопросы обвинителя, государственного советника юстиции 2-го класса товарища Терехова обличают преступников. Внимательно выслушивают все объяснения подсудимых судья товарищ Громов, народные заседатели, адвокаты, публика. Скоро будет вынесен приговор. Пусть же помнят о нем все те «последние руки», которые скупали у рокотовых-паписмедовых золотые монеты и сейчас прячут их в тайниках; пока не поздно, пусть добровольно сдают награбленное золото в распоряжение народа. Пусть помнят о наказании Файбишенко разные пестрые стиляги «будьздоровчики». Пусть помнят об этом процессе летчик Ю. Жабин, скупивший у Рокотова золотых монет на миллион рублей, и кое-кто из других бывших работников Тбилисского гражданского аэрофлота. Пусть не забывают некоторые иностранцы, тайком привозящие царские золотые монеты, что в нашей стране грязный мирок спекулянтов обречен.

Шакалам в советском обществе нет места. Их сметет настоящая жизнь, которая врывается в зал суда, в его открытые окна призывом пионерских горнов, ревом самосвалов, рокотом самолетов. Сметет и не оставит никаких следов!

Деньги, иностранная валюта, золото, ценности, изъятые у Рокотова, Попова, Эдлис, Ризвановой.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Математик XIX века. 9. Пушной зверек. 10. Выпуклость. 12. Ткань для подкладки. 14. Полярное судно. 15. Гимнаст. 16. Слой. 19. Пшеничный хлеб. 23. Роман Ф. М. Достоевского. 24. Драгоценный металл. 25. Дорожка в пионерском лагере. 26. Ряд полок. 27. Наградной лист. 28. Прямая, соединяющая две точки кривой линии. 30. Корытце. 33. Подвесная койка. 36. Громкоговоритель. 37. Помещение для подопытных животных. 38. Летчик. 40. Столярный инструмент. 41. Разновидность атома одного и того же химического элемента. 42. Окно корабля.

По вертикали:

1. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 2. Танец. 3. Подвижная игра. 4. Цветок. 5. Говор, наречие. 7. Состояние атмосферы. 8. Наивысшее достижение. 11. Советский писатель. 13. Учреждение для научных исследований. 17. Река в Африке. 18. Голландский философ. 20. Марка автомобиля. 21. Спортивное оружие. 22. Сторона здания. 23. Совершенство. 29. Созвездие северного неба. 31. Красноречивый человек. 32. Оптический прибор. 34. Напев. 35. Русский хирург. 38. Предел, граница, крайняя точка. 39. Количество экземпляров печатного издания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

2. Саванна. 4. Аккомпанемент. 6. Эритрея. 7. Адвокат. 10. Ботва. 14. Тримитас. 15. Мопассан. 17. Грим. 18. Ватерполист. 19. Холл. 22. Черкасов. 23. Аквариум. 24. Гарда. 28. Телегин. 29. Монолит. 30. Тригонометрия. 31. Нальчик.

По вертикали:

1. Баталист. 2. Стокер. 3. Ахмеди. 4. Авиация. 5. Такелаж. 6. Эквилибрист. 8. Текстовинит. 9. Захаров. 11. Оборона. 12. Водород. 13. Корсика. 14. Тягач. 16 «Налим». 20. Кашалот. 21. Карелия. 25. Раздолье. 26. Диоген. 27. «Восток».

На первой странице обложки: Лилия Абдрахманова, студентка Казахского государственного университета, будущий химик.
Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: На перемене в школе-интернате. Город казахских металлургов Темир-Тау.
Фото М. Начинкина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

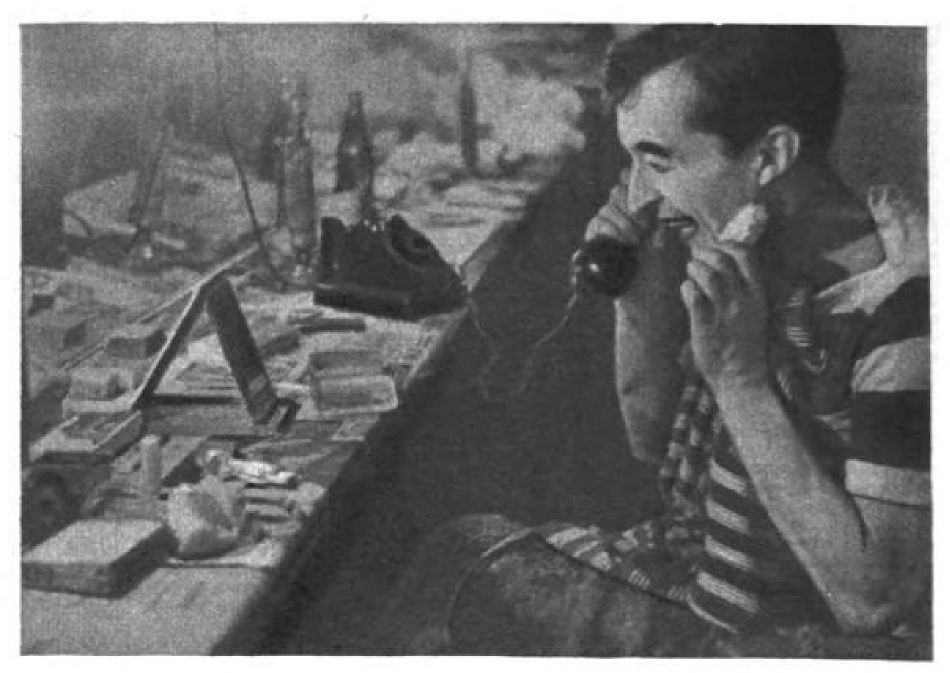
А 05236. Подписано к печати 7/VI 1961 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1006. Заказ 1419.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

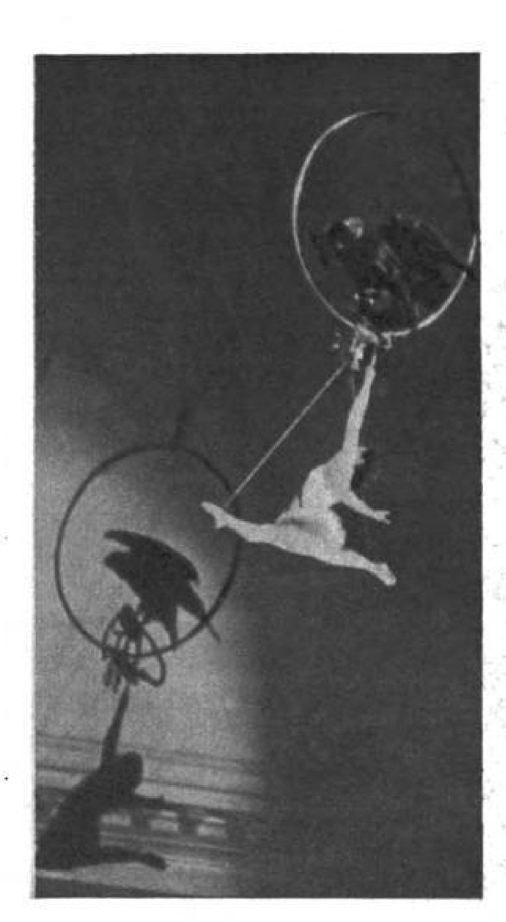

Выступает „ЕРЕВАН"

Гастроли цирка Армении

«Весь вечер на арене комик-пародист Леонид Енгибаров»,— гласит афиша. Но вызов на манеж — всегда очень волнующая минута.

Впервые москвичи видят такой номер: воздушный полет с орлом. Позавидуешь смелости гимнастки Елены Авановой.

Разве можно сказать, кто лучше выглядит в таком пластическом дуэте — Касеев или Манасарян? Оба на высоте!

Высшее достижение эквилибристики демонстрирует В. Арзуманян.

Рой шариков и тарелочек вьется над Нази Ширай. В таком же темпе отвечают аплодисментами зрители.

Второе отделение программы все ждут с нетерпением. Объявлен аттракцион экзотических животных под руководством Степана Исаакяна. Взмыл над клеткой занавес, и перед зрителями предстал храбрый Назар, персонаж армянской сказки. Он встречается с бегемотами, ловит на удочку крокодила, побеждает змей.

Фото А. БОЧИНИНА.

Под горячим солнцем

Из среднеазиатского альбома художника И. МАССИНЫ

Старое неохотно уступает дорогу новому...

Первые шаги.

— Такой уважаемый мужчина должен занять самое почетное место.

Поговорили...

Цена номера [illegible] коп.

